

★ Владимир ПЕРШАНИН ★

САМОХОДКА по прозвищу «СУКА»

Прямой наводкой по врагу!

Война. Штрафбат. Они сражались за Родину

Владимир Першанин

**Самоходка по прозвищу «Сука».
Прямой наводкой по врагу!**

«Яуза»

2014

Першанин В. Н.

Самоходка по прозвищу «Сука». Прямой наводкой по врагу! /
В. Н. Першанин — «Яуза», 2014 — (Война. Штрафбат. Они
сражались за Родину)

НОВЫЙ фронтовой боевик от автора бестселлеров «Командир штрафной роты» и «"Зверобой" против "Тигров"»! Первый роман о героических экипажах самых массовых советских самоходок СУ-76, которые в войсках прозвали «Сукой», «Братской могилой» и «Голожопым Фердинандом»: слабое бронирование и открытая боевая рубка делали эту машину весьма уязвимой на поле боя. Однако и боевая эффективность маневренных неприхотливых «сушек» с их совершенным 76-мм орудием была очень высока, ставя их в один ряд с легендарными «тридцатьчетверками»: действуя в передовых порядках пехоты, ведя огонь прямой наводкой, эти самоходки со снайперской точностью поражали укрепления, огневые точки и живую силу противника, были незаменимы в штурмовых группах и городских боях, а при грамотном командовании успешно боролись даже с танками. Вот только за победы самоходчикам приходилось платить страшную цену: из 14 тысяч «сушек» до конца войны дожили меньше пяти процентов – недаром их отчаянные экипажи за глаза называли «смертниками»...

© Першанин В. Н., 2014

© Яуза, 2014

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	6
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Владимир Николаевич Першанин

Самоходка по прозвищу «Сука».

Прямой наводкой по врагу!

Предисловие

Жизнь небольшой самоходно-артиллерийской установки СУ-76 оказалась короткой и яркой, словно падающая звезда. На всех фронтах в 1943–1944 годах воевали 14 тысяч этих машин, а к концу сорок четвертого года в строю их уже не осталось.

История, прославившая знаменитый танк Т-34, практически предала забвению судьбу самоходок СУ-76, хотя по массовости применения и своей активности, они занимали второе место после «тридцатьчетверки», далеко опередив нашу остальную бронетехнику, пусть более мощную и совершенную.

Это машина – легкая, маневренная (к сожалению, со слабой броней) и с самым совершенным на то время орудием ЗИС-3 – прославленного конструктора Василия Грабина появилась очень вовремя, в тяжелый для нас период войны.

Она отличалась небольшими размерами, умением хорошо маскироваться, быстро менять позиции, а самое главное, поражала со снайперской точностью своим сильным орудием танки, артиллерию, укрепления врага, выручая и прокладывая путь пехоте.

Мне удалось найти считанных участников войны, воевавших на этих машинах. Жизнь самоходчиков была коротка. Но немцы несли немалые потери от точного огня внезапно появившихся на поле боя приземистых машин с дальнобойными пушками. Самоходки СУ-76, «сушки», как их называли, сумели ярко и смело прожить отпущенное им время.

Поклон этой славной машине и ее экипажам, которые навсегда остались в истории.

Глава 1

Первый бой

Пехота спешно отступала. Несколько легких трехдюймовых пушек и «сорокапятки» – все, что осталось от полковой артиллерии, – продолжали вести беглый огонь. Был он торопливый, нервозный.

Артиллеристы выпускали снаряд за снарядом, порой не видя цели. Вокруг капониров плясали минные разрывы, находя все новые цели. Горел грузовик, на котором подвезли боеприпасы и пытались вывезти раненых.

Его накрыло попаданием в двигатель, убив водителя. Раненых грузили на орудийные передки, и ездовые нахлестывали лошадей, торопясь покинуть опасное место.

Очередная мина разбила одну из немногих легких пушек, оставшихся в строю, раскидала в стороны расчет. Орудийный передок, облепленный ранеными, пролетел сквозь оседающее облако дыма и земли. Ездовой, оглушенный непрерывным грохотом, бестолково размахивал кнутом. Артиллеристы цеплялись друг за друга, а пара лошадей неслась, выбирая нужное направление, спасая себя и людей.

Лейтенант Павел Карелин, высунувшись из открытой рубки легкой самоходно-артиллерийской установки СУ-76, наблюдал в старый потрескавшийся бинокль то, что мог предвидеть еще вчера, когда мартовскую слякоть начало обдувать северо-восточным ветром. За считанные часы почву подморозило, а к ночи все сковало льдом.

Именно в такую погоду немцы обязательно возобновят наступление, которое они активно вели на Юго-Западном фронте с двадцатых чисел февраля. Слякоть и низкая облачность, мешающая авиации, дала несколько дней передышки той и другой стороне. Сегодня передышка, кажется, закончилась.

– Карела, танки видишь?

Рация действовала, как всегда, скверно. Но сквозь шипение и треск лейтенант все же различал команды командира батареи капитана Ивнева, который приказал до его сигнала себя не обнаруживать и огня не открывать.

Немецкие танки с остатками полковой легкой артиллерии в бой не ввязывались. Их планомерно и быстро добивали минами и выстрелами приземистого штурмового орудия («штурмгешютце») с короткоствольной 75-миллиметровкой.

Основная часть бронированных машин – штук семь танков, несколько штурмовых орудий и бронетранспортеров, развивая скорость, отрезали отступавший стрелковый полк от леса, в котором он торопился укрыться.

Германские танки шли клином. Впереди более легкие и скоростные Т-3, следом приземистые «плути». Немного отставая, двигались тяжелые Т-4 с усиленной броней. Замыкали группу бронетранспортеры с десантом.

Этот небольшой, но довольно мощный кулак прорвал оборону стрелкового полка. Артиллерийский и пулеметный огонь смешал в беспорядочную толпу роты, батальоны. Немцы, как всегда, боеприпасов не жалели. Теперь штурмовая группа вермахта стремилась догнать массу людей и повозок на обледелом холмистом поле, прежде чем люди исчезнут в лесу.

За долгую мартовскую ночь мороз хорошо сковал землю и талый снег. Почва выдерживала даже тяжесть немецких танков Т-4. Громадины, по сравнению с другими машинами, высотой двести семьдесят сантиметров, они выделялись длинноствольными пушками с массивными дульным тормозом и высокими командирскими башенками, откуда было удобно вести обзор.

Батарею капитана Ивнева, состоявшую из пяти самоходных установок (сравнительно нового оружия Красной Армии), догадались перебросить уже в темноте. Когда стало ясно, что окопавшийся в раскисшей земле стрелковый полк и приданный ему саперный батальон могут угодить под танковый удар.

Как часто случалось, это были лишь полумеры. Пять самоходов СУ-76 вряд ли смогут удержать оборону, если немцы пустят хотя бы две полноценные танковые роты. Но у фельдмаршала Манштейна после Сталинграда бронетехники не хватало.

Это было второстепенное направление одного из ударов. Сюда собрали что могли, смешав танки новой усиленной модификации и все остальное, что попало под руку. Поэтому Григорий Ивнев, несмотря на численное превосходство немецких машин, надеялся неожиданным ударом отбить атаку.

Или, по крайней мере замедлить ее, и дать уйти из-под мясорубки измотанному отступлением стрелковому полку. Манштейн и его командиры твердо намеревались рассчитаться здесь, под Харьковом, за поражение под Сталинградом. Наше Верховное командование категорически приказывало сделать все возможное, чтобы остановить наступление.

Кроме самоходов обещали подбросить артиллерию и танки. Но экипажи одинокой батареи СУ-76 во главе с их командиром уже понимали, что помощи в ближайшее время не дождутся. В других местах обстановка складывалась не лучше.

Для батареи Ивнева это был первый серьезный бой. Полтора месяца полк находился в основном во втором эшелоне, принимая участие в небольших стычках местного значения.

Экипажи и командиры уже на практике знали слабые и сильные стороны своих машин. Мало надежды было на тридцать пять миллиметров лобовой брони (рубка всего двадцать пять), бензиновый, легко воспламеняющийся двигатель.

Зато компактные приземистые установки были увертливы, подвижны и при своих небольших размерах имели самую сильную на тот период противотанковую пушку ЗИС-3 калибра 76 миллиметров. Бронебойные снаряды взламывали броню немецких танков на расстоянии до километра, выводя из строя и поджигая машины в считанные минуты.

Орудия отличались точностью наводки, высокой скорострельностью и нанесли в 1942 году самые большие потери германской бронетехнике. Не зря ее конструктор Василий Грабин получил личную благодарность Сталина и несколько наград.

Опытный артиллерист капитан Ивнев знал и другое. Немецкие конструкторы никогда не стояли на месте. В ответ на мощную пушку усиливали бронезащиту танков, и дальность поражения уменьшалась. Это необходимо было учитывать. Пожалуй, новые Т-4 на километр уже не возьмешь.

Несмотря на численное преимущество немецких танков, комбат надеялся на свои опытные экипажи. Новые самоходки по приказу Верховного были в основном укомплектованы опытными артиллеристами и механиками. Батарея застыла в укрытиях, ожидая команды Ивнева. Между тем стрелковый полк беспорядочно отступал, преследуемый стрельбой увеличившего ход немецкого танкового клина.

Две хорошо загруженные трехтонки ЗИС-5 из тыловой службы, торопясь уйти от немецких танков, неразумно спрямили расстояние и завязли в низине. Несмотря на небольшой угол подъема, колеса скользили по льду. Моторы ревели, выбрасывая крошево смерзшейся грязи, один из грузовиков развернуло поперек. Заряжающий на самоходке Карелина, ефрейтор Вася Сорокин, широколицый, здоровенный парняга, морщил покрытый пятнами оспы лоб. С высоты своего роста наблюдал за беспомощными грузовиками и костерил шоферов:

– Тыловики всегда первыми ссылаются. А эти, бля, совсем от страха башку потеряли.

Наводчик, старший сержант Михаил Швецов – в противовес Сорокину мелкий, жилистый – не отрывался от прицела, но команды открыть огонь не поступало. Комбат Ивнев учи-

тывал численное превосходство противника и выжидал, когда расстояние сократится для точного и эффективного залпа.

Он лучше других понимал, что судьба боя зависит от первых, хотя бы пары, удачных выстрелов. Подковать, остановить один танк, оглушить попаданием экипаж второго. Внести минутную растерянность, замедлить ход вражеских машин и ударить еще раз, скорректировав прицел. Лишь бы фрицы не разглядели раньше времени батарею.

Снаряд взорвался метрах в тридцати от головного грузовика. Второй ЗИС-5 перевалил подъем и набирал скорость. Спрыгнувшие с машины десятка полтора бойцов бежали, пытаясь догнать его, но водитель, растерянный или напутанный, продолжал давить на газ, не обращая внимания на крики:

– Стой, гад!

– Подбери, убьют ведь!

Взрыв фугасного снаряда подкинул машину. Полетели выбитые доски кузова, обломки ящиков. Перебило задний мост, грузовик сел, как лягушка, на вывернутые колеса.

Следующий снаряд взорвался среди отступающих бойцов. Ударившись о лед, взрыватель сработал мгновенно. Сноп осколков и взрывная волна накрыли сразу человек шесть. Четверо неподвижно застыли на льду, двое бойцов, поднимаясь и снова падая, пытались добраться до прибрежных кустов.

Стреляло штурмовое орудие, «штурмгешютце», или «плуга», как их чаще называли. Тем временем какая-то из немецких машин врезала по крутившемуся на подъеме второму ЗИС-5 и подожгла его.

Там сидел водитель и двое снабженцев. Хотя и контуженные, они сумели выскочить и добежать до ближайших кустов. Танк не стал тратить еще один снаряд, а пулеметные очереди лишь смахнули голые прутья.

Если этим троим повезло, то взвод красноармейцев во главе со своим младшим лейтенантом, вынырнувший из зарослей тальника, оказался на линии огня.

Бежать быстро бойцы не могли. Они уже выдохлись и с трудом тащили под руки троих раненых. Да и сам лейтенант заметно хромал, подгоняя свою команду в длиннополых шинелях и ботинках с обмотками.

«Штуга» вывернулась с фланга неожиданно. Трехсотсильный двигатель «майбах» работал ровно, не выдавая себя ревом. Карелин понимал, что здесь, на открытом месте, штурмовое орудие прикончит взвод двумя-тремя осколочными снарядами и добьет из пулемета.

Экипаж «плуги» пока не видел самоходку Карелина, у СУ-76 высота тоже всего два метра. Да и подкопали, не поленились ночью, мерзлый снег. Наводчик, Миша Швецов, вел прицел следом за фрицем.

– Выстрел! – выкрикнул лейтенант.

Сержант не новичок, хорошо пострелявший в сорок втором из пушки ЗИС-3, наверняка бы попал. Но считанными секундами ранее открыли огонь остальные самоходки, сразу же ударили немцы. «Штуга», с ее весом в двадцать тонн, мгновенно тормознула.

Предназначенная ей бронебояная болванка хоть и вылетела со скоростью 800 метров в секунду, но опоздала: врезалась в землю перед «штугой» с опережением и отприкошетила несколько раз подряд, раскидывая комья льда и смерзшегося снега.

Вражеская машина крутнулась, выцеливая коротким, но смертельно опасным стволом 75-миллиметровки самоходную установку Карелина.

Расстояние метров пятьсот. Броню «сушки», в два пальца толщиной, фриц пробьет наверняка. В короткий ствол-обрубок заложен либо подкалиберный, либо другой хитрый снаряд, например с донным взрывателем, – и тот и другой прикончат самоходку наверняка.

– Мишка, – почти стонал заряжающий Василий Сорокин, подавшись всем телом навстречу вражеской машине, – стреляй, мать твою...

Наводчик и без него знал свое дело. Ударил довольно точно. Не учел (вернее, не успел привыкнуть), что сильная ЗИС-3 своей отдачей встряхивает легкую «сушку», особенно когда она не имеет твердой опоры под гусеницами.

Пушка, которую ценил сам товарищ Сталин, врезала шестикилограммовую болванку с такой силой, что немца заметно развернуло. Сноп искр разлетелся на верхней части плоской рубки штурмового орудия.

– Есть! – заорал Сорокин, вбивая в ствол очередной снаряд.

Но болванка, пройдя вскользь, отрикошетила, сорвала запасное колесо с брони «плуги» и с воем ушла в морозное утреннее небо.

– А ну пусти, – рвался к прицелу лейтенант Карелин.

На несколько секунд возникло замешательство, которое могло стоить жизни всему экипажу. Карелину не нравилась излишняя самоуверенность наводчика.

– Я сам, – торопился исправить ошибку старший сержант Швецов. – Не лезьте!

Но Карелин, тоже имевший опыт, уже ловил в прицел светло-серую приземистую тушу немецкой машины. Нажимая на рычаг, понял, что полкилометра – расстояние немалое.

Болванка ударила слегка развернувшуюся «плугу» под углом. Расколола массивное ведущее колесо, порвала гусеницу и смяла броню, не пробив ее. Широколицый, рябой Вася Сорокин, отшвырнув дымившуюся гильзу, уже вбросил в казенник новый снаряд.

– Готово, командир.

Он был уверен, что перекошенная немецкая самоходка с вывернутой боковиной, обломком колеса и порванной гусеницей уже не представляет опасности.

Ефрейтор Вася Сорокин ошибался. «Штуга», выровняв прицел и развернувшись на уцелевшей левой гусенице, выстрелила. Снаряд с жутким воем пронесся в метре над самоходкой.

– Добивайте вы ее, – орал механик-водитель Алесь Хижняк, отчетливо видя происходящее, высунувшись в открытый люк перед рубкой. – Она ведь нас прикончит!

Но Павел Карелин уже нажал на педаль спуска. Снаряд-болванка врезался в основание рубки, прямо под короткую пушку. Брызнул сноп искр, а через несколько секунд внутри «плуги» рванул боезапас.

Детонация смешала вместе тротильные заряды фугасных снарядов, фосфорную начинку зажигательных, артиллерийский порох в объемистых гильзах и литров триста первосортного румынского бензина.

Вся эта гремучая смесь разорвала корпус вместе со всем содержимым, включая пятерых немецких артиллеристов. Из огненного клубка разлетались куски брони и двигателя, мелкие и крупные железяки, обрывки гусениц, множество смятых шипящих гильз и разорванные тела экипажа.

– Вот так, – удовлетворенно сказал Вася Сорокин, ловко вбрасывая в казенник очередной снаряд. – Бить – так наповал.

Между тем стрельба шла вовсю. Разогнавшийся Т-3, с крестами по бортам и спереди, наварвался на снаряд, угодивший в лобовую часть башни. На протяжении прошлого года немцы несколько раз наращивали толщину брони и довели ее сантиметров до семи.

Болванка тряхнула башню, перемолов мощным толчком зубцы поворотного механизма. Но броню не пробила. Впрочем, экипаж был контужен, башня не ворочалась. Самоходка, стоявшая справа от Карелина, выпустила второй снаряд, на этот раз продырявив броню насквозь.

Броневая защита в шесть-семь сантиметров не спасла, Т-3 задымил. Из люков выскакивали танкисты в коротких кожаных куртках и металлических шлемах.

– Надо добавить, – решили в самоходке, прежде чем сменить позицию. – Прикончить гада!

Новые машины, новая техника боя. Слабо бронированной «сушке», которая выигрывала за счет верткости, малого веса и сильного орудия, требовался постоянный маневр и смена позиции.

Даже для «тридцатьчетверки», с ее крепкой броней и утолщенной лобовой подушкой, упущенные секунды могла привести к тяжелому повреждению или гибели. Легкая СУ-76 просто не имела права в этих обстоятельствах на третий выстрел.

Но экипаж, возраст которого составлял в среднем 19 лет, хотел непременно добить, открыть счет уничтоженных фашистских «панцеров». И без того обреченный, окутанный дымом Т-3, с исковерканным механизмом и убитым командиром, полностью вышел из строя.

Третьего снаряда не требовалось. Но юный расчет его выпустил. Двадцатитонный модернизированный Т-3 вспыхнул в считанные секунды. Но также мгновенно загорелась от попадания подкалиберного снаряда советская самоходка. Вольфрамовый сердечник, раскаленный до белизны, с легкостью прошив броню, воспламенил внутри машины все, что могло гореть.

Грибовидным облаком взвился вспыхнувший бензин, затем рванул боезапас – шесть десятков снарядов. Самоходную установку с открытой сверху и на корме рубкой распорол, как жестянку, выбросив горящие обломки, смятые гильзы, тела экипажа.

Надежную пушку перевернуло, воткнув стволом в землю. Рядом горело тело наводчика без рук. Виднелись черные дымившиеся останки еще одного самоходчика, оторванная по колено нога в сапоге, искореженный автомат, ключья тлеющей фуфайки. Лед вокруг плавился, растекаясь бурыми от крови и машинного масла ручейками.

Четверо немецких танкистов, успевших выпрыгнуть из Т-3, бежали к коптившему грузовику ЗИС-5, единственному укрытию поблизости.

Интендант, шофер и несколько красноармейцев, тоже нашедших здесь убежище, открыли торопливый огонь из «нагана» и винтовок.

Стреляли едва не в упор. От злости и пережитого страха мазали, но сумели уложить двоих «панцер-гренадеров» в их добротных куртках и блестящих металлических шлемах. Двое других, тоже получившие несколько пуль, из последних сил вломились в камыш и забились в гущу желтых метелок.

Капитан Ивнев вел бой с тяжелым Т-4, одновременно пытаясь командовать батареей. Он прошел Халхин-Гол, который не был победным маршем для наших танков. Получил за храбрость медаль «За отвагу», но самое главное – боевой опыт. Тот самый, который помог ему выжить в первый год войны и, отступая, постичь науку бить врага.

Григорий Макарович Ивнев видел, как непростительно увлекся поединком с танком и погиб один из его экипажей. Он кричал остальным:

– Не подставляться! Бить с коротких остановок!

Затем бросил микрофон. Обвешанный звеньями гусениц Т-4 вынырнул из-за кучки осин, остановился, нашаривая длинным стволом самоходку Ивнева. Обе машины уже обменялись парой выстрелов, промахнулись и сближались, выцеливая друг друга.

По слухам, у Т-4 последнего образца лобовая броня достигала семи сантиметров, плюс дополнительная защита – звенья гусениц. Чтобы вывести его из строя, надо ударить точно.

Причем если у немца с его качественной усиленной броней, есть шанс выдержать попадание, то снаряд, который угодит в «сушку» с ее легкой бронезащитой, наверняка будет смертельным. Обычная болванка, выпущенная из 75-миллиметровой пушки, прошибает за километр восемь сантиметров брони. А у СУ-76 броня всего три сантиметра, да и расстояние между врагами куда меньше, чем километр.

Снова два выстрела подряд. Наводчик тяжелого Т-4 крутил рукоятку наводки, доводя прицел до нужной точки. Оптика у фрицев первоклассная, с третьего раза не промажет.

Но у ЗИС-3 имелось еще одно преимущество – самая высокая скорострельность среди этого класса орудий. Заряжающий и сам Ивнев, не отрываясь от окуляра наводки, опередили

первоклассную машину вермахта с ее наворотами, точной оптикой, кумулятивными и подкалиберными снарядами.

Трехдюймовая болванка, сработанная из добротной уральской стали, врезалась в лоб «панцера», между пулеметом и смотровой щелью водителя. На этот раз почти не было искр, снаряд шел под прямым углом. Взвилось облако дыма, мелкой окалины, донесся глухой лязг удара.

Бронебойный снаряд – всего лишь кусок металла. Но раскаленный, разогнавшийся до огромной скорости, пробив броню, он рушит и зажигает внутри танка все подряд. Черное небольшое отверстие выглядело безобидным. Но судя по тому, как замерла и прекратила всякое движение машина весом двадцать три тонны, снаряд сработал как надо.

Открылся левый боковой люк. Вместе с клубком дыма выкатился танкист. Второй выбрался следом. Товарищ протянул руку помогая вылезти. Но, пробивая дым, стремительным штопором закрутился язык огня. Хлестнул, как огнеметом, выползающего танкиста и отбросил в сторону пытавшегося помочь ему камрада.

Немец в тлеющей куртке убегал, зная, что произойдет через считанные секунды. Его товарищ еще жил, извиваясь от боли в квадратном проеме бокового люка. Остальные люки были закрыты, удар оглушил экипаж.

Взрыв получился двойной. Вначале сдетонировали с десятков снарядов, находившихся ближе к месту удара. Вышибли верхний люк и выбросили укороченное тело командира машины.

Через несколько секунд сдетонировал основной боезапас, сразу штук восемьдесят снарядов. Зрелище было такое, что невольно замерли экипажи других машин. Масса снарядов рванула с раскатыстым гулом, превратив танк в огненный шар.

Отлетела в сторону башня. Среди огня кувыркались горевшие обломки, ломаные кресла, целый град сплюснутых и разорванных гильз, куски человеческих тел, обрывки пулеметных лент.

Через минуту на месте мощной современной машины осталась ее нижняя догорающая половина с перекошенной опорной плитой и смятым двигателем.

– Меняй позицию, – первым опомнился Ивнев. – Вон к тем кустам. Полный газ!

Машины с обеих сторон маневрировали, то делая резкие рывки, то находя укрытия для внезапного удара. Прилетевший непонятно откуда снаряд, скорее всего 50-миллиметровый, смял задний правый угол рубки самоходной установки Карелина. Ударило так, что «сушка» дернулась, сбilo с ног наводчика и заряжающего.

Алесь Хижняк, опытный механик, дал полный газ и выскочил из зоны обстрела. Подламывая мерзлый снег, спустились в неглубокую ложбину среди осин. Пока Хижняк проверял двигатель, вытащили наружу заряжающего Васю Сорокина.

Снаряд прошел рядом. Ран не оказалось, но громоздкий, самый сильный в экипаже ефрейтор Сорокин тяжело ворочался на подстеленной шинели и вытирал пятерней кровь из носа.

Стащили телогрейку, ощупали ребра, осмотрели голову.

– Контузия, – определил Хижняк, считавшийся самым сведущим в медицине. – Болит чего, Васек?

– Нет. Плывет только перед глазами.

– Может, водички?

Сделав несколько глотков из жестяной кружки, Василий вдруг замер и уставился на пробоину. Снаряд разорвал, согнул лохмотьями броню. Вырвал из креплений каркас, к которому крепился брезент.

Штырь разогнуло, он торчал, как антенна. На нем развевался кусок брезента.

– Ну че, Васек?

– Брезент порвало, ночью накрыться нечем будет, – простодушно выразил свое состояние заряжающий. – Опять мерзнуть.

– Спасибо скажи, что не под фугас попали, – успокоил его механик. – Хоть и мелковатый, но рванул бы, всем бы хватило.

Швецов выбросил смятый снаряд, сорванный с боеукладки, покрутил в руках другой, с вмятиной в гильзе.

– Выбросить его, товарищ лейтенант. Вмятина так себе, но может заклинить.

То, что после удачной схватки, которую провели без потерь, Швецов обращается к командиру строго официально, говорил, что он злится на Карелина. Выпихнул из-за прицела и стрелял сам, будто лучше разбирается в этом деле. Алесь Хижняк тоже недолюбливал Швецова за излишнее самомнение.

Да, он один в экипаже имеет орден. Командир полка с ним за руку здоровается, но и другие ребята воевали, хреном груши не околачивали. Лейтенант Карелин, хоть у командира полка в приближенных не ходит, но мужик неплохой, не выделяется и не лезет под огонь очертя голову.

Может, и правильно Карелин у орденоносца прицел отобрал. Первым выстрелом промазал, вторым лишь по броне мазнул. А третьего раза вообще могло не быть. Опередила бы их «плуга», и догорала бы самоходка вместе с экипажем.

Стрельба раздавалась со всех сторон. Затрещала рация. Сейчас слышимость была лучше. Комбат Ивнев спрашивал, куда делся Карелин. Лейтенант ответил, что получил попадание в рубку, экипаж приводит машину в порядок.

– Самоходка в строю?

– Через десяток минут выйдем. Рубку просадило, и заряжающего контузило.

– Давай шевелись, резину не тяни. Одна «сушка» сгорела, и ты застрял. Мне, что ли, одному воевать?

Григорий Макарович Ивнев порой не сдерживал себя, давая волю раздражению. Его отчитал командир полка, он в свою очередь несправедливо обрушился на Карелина.

– Да, ты где находишься? – запоздало спросил капитан.

– Недалеко от озера... здесь осины кучкой стоят.

– Осины... двигай наперерез фрицам.

– Кругом начальники, команды не успевают раздавать, – бурчал наводчик Швецов. – Хотя бы за подбитую «плугу» доброе слово сказал. Эту гадюку так просто не возьмешь.

– Я про нее не сообщал, – сказал Карелин.

– Ну и зря скромничаешь. Пусть знают, что мы тоже фрицев бьем.

Поднялся с шинели Вася Сорокин. Его пошатывало, но он заявил, что от контузии отошел.

– Значит, вперед в бой? – насмешливо отреагировал Хижняк.

– А куды денешься? – покосился еще раз на пробитую броню Сорокин. – Хочешь, не хочешь, а воевать надо.

– Сознательный ты у нас, – ехидно вставил Швецов. – Как и командир. Машина продырявлена, люди контужены, а он через десять минут обещает снова в бой вступить.

Впрочем, наводчик выражал свое недовольство вполголоса. Карелина он побаивался. Психанет в горячке и отстранит от прицела. Будет вместе с Сорокой снаряды перебирать. Но лейтенант, кажется, его не слышал.

Взобравшись на пригорок, рассматривал окрестности. Стрельба продолжалась, горели две-три машины, окутанные клубами дыма.

«Опять на авось, – с досадой размышлял лейтенант Карелин. – Прислали пять самоходов, вот мы тут подвигов понаделаем!»

Вася Сорокин, чудом не угодивший под снаряд, тем более не рвался под огонь. В свои двадцать три года он был женат, имел двоих детей и больше думал о семье, чем о дальнейшем бое.

Время от времени оглядывался на горящую огромным костром самоходку и в очередной раз жалел, что угодил на этот «танк – не танк» с тонкой броней, которую любой снаряд пробьет, а действовать приходится на переднем крае. Называется «машина поддержки пехоты», а бой с утра идет с танками, чья броня в два раза толще. Долгой жизни на этой «коломбине» не получится.

При этом Вася забывал, что, отвоевав год «на земле» в расчетах неуклюжих трехдюймовых Ф-22, два раза был крепко ранен, однажды едва выскочил из-под гусениц немецкого танка.

Пушку смяло в блин, ребят побило, подносчика размазало тяжелыми траками. Гад-фашист и Сорокина собирался расплющить, но Василий, отпрыгнув, бежал, слыша свист пуль над головой, от которых тоже сумел увернуться. Двое детишек, а его гусеницами и пулеметом хотели прикончить! Сегодня с одним гадом рассчитались.

Тем временем кое-как поставили на место штыри для брезента, а Павел Карелин хмуро приказал Швецову:

– Убери снаряды из-под гусениц. Сдавать назад будем, наедем на взрыватель – глупость получится.

Наводчик молча сгреб оба помятых снаряда, которые второпях сбросил под гусеницы, и отнес в сторону.

Обогнули озеро и, увеличив ход, пошли догонять немецкие танки. Карелин не был злопамятен, наводчика ценил и снова уступил старшему сержанту его законное место.

Миновали догорающие обломки Т-4. Повеселевший Михаил Швецов заявил, что фрица наверняка уделал комбат.

– У капитана глаз точный!

Остальной экипаж на похвалу наводчика не отреагировал. В приятелях у комбата, кроме Швецова, никто не ходил. Таилась хоть и мелкая, но обида, что капитан Ивнев ни словом не обмолвился об уничтоженной «плуге», хотя наверняка видел взрыв. А командира машины Карелина едва не в трусости обвинил.

– Гонют... все вперед гонют, – выразил общее настроение Сорокин Вася, самый младший по званию в экипаже и самый многодетный. – Слышь, Дмитрич, я бронебойный зарядил.

– Правильно, – одобрил его действия лейтенант Карелин.

О мимолетной ссоре с комбатом Павел уже забыл – не тот характер. Напряженно ждал с минуты на минуту, когда покажутся немецкие «панцеры». Гусеницы у них на резине, не гремят, как наши, за километр, и двигатели урчат негромко, как сытые кошки.

Вскоре разглядели силуэт еще одного Т-3. Он вел огонь по самоходке младшего лейтенанта Афанасия Солодкова. «Сушка» тоже отвечала, но деревья и бугры мешали противникам толком прицелиться.

Снаряд самоходки врезался в березу метрах в трех от немца. Крепкий ствол переломило в двух местах, брызнули отбитые ветви. Т-3 мгновенно сменил позицию и пальнул в ответ. Карелин приказал поддержать товарища огнем.

После первых же выстрелов командир немецкого танка понял, что попал под перекрестный огонь.

Умело маневрируя, рванул прочь. Но выдержки не терял и вложил снаряд рядом с «сушкой» Карелина.

Погнали на пару с Афанасием Солодковым. Младший лейтенант прибыл из училища недавно. Опыта имел мало, но бесстрашно лез в любую заваруху, за что его терпеть не мог экипаж.

– В герои рвется, а нам расплачиваться. С такой броней только могилу себе искать!

– Слышь, младшой, – осаживали его, – башку не теряй. Про нас подумай.

Увещевания действовали на резвого командира слабо. Он мечтал подбить немецкий танк и вообще доказать свою решительность.

Через сотню метров увидели еще одну самоходку из своей батареи, с перебитой гусеницей и вмятиной на броне. Трое из экипажа, сбросив телогрейки, пыхтя, натягивали порванную гусеницу. Четвертый лежал накрытый шинелью. Все ясно – отвоевался парень. Узнать, как и что, возможности не было, поэтому промчались мимо без остановки.

Стрелковый полк в основном втянулся в лес. То в одном, то в другом месте валялись разбитые повозки, лежали кучками и поодиночке тела убитых.

Несколько расчетов противотанковых ружей вели беглый огонь непонятно куда. Лежали они на краю мелкого густого березняка. Наверное, рассчитывали в случае опасности нырнуть в чащу.

– Эй, с кем воюете? – приостановил машину капитан Ивнев.

– С нечистой силой, – выдал остроту сержант, старший группы.

– Целитесь в кого, спрашиваю? – повысил голос комбат. – Или отсиживаетесь?

– Почему отсиживаемся, – встал и козырнул в ответ сержант. – В немецко-фашистские танки стреляем.

– Где они, не вижу.

– А вон, за тем леском.

– До них километр, а вам дай бог за двести метров в цель угодить.

– Стреляем же, не прячемся, – возразил сержант.

Бронетанковый немецкий кулак, несмотря на численное превосходство, сумели отжать. Сильные орудия ЗИС-3 наносили крепкие удары. Горели два танка и разваленное до днища штурмовое орудие («плута»). Еще один Т-3 дымил, воняя резиной, но почему-то не загорался, хотя проходящие самоходки всаживали в него на ходу снаряды.

– Не отвлекаться, – командовал по хрипящей радиации Ивнев. – После добьем.

В километре впереди тяжелый Т-4 тащил на буксире «плугу», короткоствольная пушка была свернута набок. Медленно уходившую сцепку пытались достать огнем. Но Т-4, развернув башню на 180 градусов, довольно точно посылал снаряд за снарядом из своего длинноствольного орудия. Приближаться к нему было опасно.

Пятались и огрызались огнем два Т-3. К ним присоединился танк, который преследовали Карелин и Солодков. Самоходка командира батареи Ивнева, набрав скорость, вышла на расстояние метров шестьсот и вложила снаряд в Т-3, за которым безуспешно гнались машины Карелина и Солодкова.

Хороший наводчик в машине капитана не подвел. Удар пришелся в нижнюю часть лобовой брони. Толщина и скос броневых листов не дали пробить его насквозь. Болванка, оставив вмятину и лопнувшую полосу металла, прошла наискось. Выбила один из катков и, видимо, повредила ходовую часть.

Капитан не стал стрелять еще раз. В него летели снаряды, и он отлично помнил, что легкая броневая защита не выдержит удара. «Сушка», сшибая молодой березняк, выскочила из зоны обстрела.

Раскаленная болванка, выпущенная тяжелым Т-4, врезалась в старую березу, выбив сноп щепок. Несколько секунд толстый ствол раскачивался, затем рухнул, ломая ветви. Вдоль просмоленной коры побежали язычки пламени.

Если опытный комбат Ивнев, пользуясь быстротой и верткостью своей машины, искал позицию для нового выстрела, то Афанасий Солодков, никуда не сворачивая, неся вперед.

– Афонька! – крикнул в радиацию Карелин. – Куда лезешь?

– Командир! – дружно орал экипаж. – Щас нам врежут. Сворачивай!

Поздно. Девятнадцатилетний Афанасий Солодков вырвался на открытое место, остановился, успел даже выстрелить и сразу получил ответный удар. Но экипажу «шестимесячного» младшего лейтенанта, не успевшего набраться опыта ввиду нехватки времени, частично повезло.

Снаряд калибра 50 миллиметров с приварной головкой и впрессованным зарядом взрывчатки ударил в лобовую часть машины. Шел он наискось. Легко просадил и тридцать пять миллиметров брони, и тело механика-водителя. Прошил стенку моторного отсека (он находился справа от механика) и взорвался, мгновенно воспламенив двигатель.

Солодкову и двум другим самоходчикам удалось выскочить лишь потому что самоходки СУ-76 были открытого типа, а брезент смотан для лучшего обзора.

Взорвались снаряды. Вторая самоходка из батареи Ивнева превратилась в огненный клубок с развороченной рубкой. Экипаж успел отбежать на десяток метров, и, приходя в себя, наблюдал, как ревет, ввинчиваясь в морозный воздух, чадное пламя бензина, смешанное с маслом.

Наводчик кривился от боли в ушибленной ноге и материл младшего лейтенанта, который кинулся очертя голову прямо под снаряд, погубил механика-водителя, машину, да и остальной экипаж чудом не угробился.

– Учат все дураков, а воевать не умеете... куда тебя черт нес?

– Кубари нацепил, а ума не набрался, – поддержал приятеля заряжающий. – Давай, давай... вот давалку нам и расшибли. В пух и прах.

Афоня Солодков не слышал возмущенных голосов своих подчиненных. Нервно сворачивал и никак не мог свернуть самокрутку.

Он не мог оторвать взгляда от клубка ревущего пламени, в котором мог вполне остаться и сам. Мальчишеское лицо младшего лейтенанта подергивалось, а на губах блуждала, кривя рот, странная улыбка.

– Эй, Афанасий, очнись, – пихнул его заряжающий. – Все кончилось. Живы мы... живы.

Несмотря на потери, батарея самоходных установок свою задачу выполнила. Немецкая бронетанковая группа не смогла уничтожить отступающий стрелковый полк. Командиры СУ-76 неплохо использовали преимущества быстроходных машин и прицельность сильных пушек ЗИС-3.

Экипаж комбата Ивнева подбил и сжег тяжелый танк Т-4 с усиленной броней. Отличился экипаж Паши Карелина. Все видели, как после меткого выстрела взорвалось и горело огромным огненным клубком штурмовое орудие – хорошо бронированная «плуга», которую взять труднее, чем танк.

Самоходка Карелина удачно подловила рыскающий, поврежденный комбатом Ивневым танк Т-3 и разнесла ему гусеницу. Бестолково закрутившийся «панцер» добивали вместе с экипажем комбатовской машины. Миша Швецов врезал осколочным снарядом по разбегающемуся экипажу и свалил двоих танкистов.

К раздаче подросла «сушка» лейтенанта Захара Чурюмова, гусеницу которой сумели быстро починить. Наверстывая упущенное, Чурюмов кинулся было преследовать сцепку из поврежденной «плуги» и буксирующего ее тяжелого Т-4.

В опасной близости пролетел один, другой снаряд, механик искал укрытие, а Ивнев приказал по рации:

– Не лезь на рожон. Решил после драки кулаками помахать...

Чурюмов благоразумно отступил, но свое все же взял. Висмотрел в сосняке бронетранспортер «Бюссинг», который, преследуя пехоту, забрался слишком глубоко. Два пулемета и автоматы экипажа уложили на ноздреватый смерзшийся снег половину стрелковой роты и отделение связистов с тяжелыми катушками телефонного провода за спиной.

Разнесли две санитарных повозки, издырявили полевую кухню вместе с поваром и помощником. Пулеметы перегрелись. Торопливо меняли стволы и патронные ленты. Автоматчики, стоя в бронированном отсеке, добивали расползавшихся раненых.

Двое красноармейцев подняли руки, но возиться с ранеными немцы не захотели. Одного прикончил из длинноствольного «люгера» молодой, перспективный унтер-офицер с медалью за храбрость. На втором скрестились трассы автоматов, пробили тело в нескольких местах, вырывая клочья шинели.

Затем увидели взвод во главе с долговязым младшим лейтенантом, который сумел спрятаться от танков и сейчас двигался по замерзшему болоту с редкими пучками камыша. Еще тридцать русских, которые едва плетутся, да еще тащат на себе раненых.

У младшего лейтенанта, бывшего студента педагогического института, была совсем не мужественная фамилия Бобич. Отсюда всякие обидные клички, и бывший студент молча переживал.

Во взводе его толком еще не знали. Много их таких «шестимесячных» лейтенантов приходили и уходили, пробыв на передовой считанные дни.

Александр Бобич командовал взводом дней двенадцать и кое-чему успел научиться. Например, не постеснялся подобрать винтовку, зная, что из «нагана» дальше чем на полтора десятка шагов в цель не попадешь. Карман прожженной у костров шинели оттягивали запасные обоймы и две гранаты РГД.

Полевая сумка лишь мешала, но не выбрасывать же командирский атрибут! К тому же там хранились бритвенные принадлежности, список взвода и письма от матери и девушки, с которой он целовался в последний вечер перед призывом в армию.

Первое время девушка писала, подчеркивая красным карандашом слово «любовь», которое ей нравилось повторять. Затем письма приходить перестали, но те, первые, Саша Бобич хранил.

– Ложись! – скомандовал младший лейтенант, увидев немецкий бронетранспортер даже раньше своего шустрого помкомвзвода, который был ранен осколком в бедро и кое-как плелся.

Может, не заметят? Но до гусеничного «Бюссинга» оставалось шагов сто пятьдесят. С берега немецкий экипаж уже заметил замерзшее болото-озеро и взвод русских; кроме того, часть молодых бойцов заматались, а не залегли сразу, оставляя себе хоть какой-то шанс на спасение.

Немцы не открыли огонь, потому что мешали густо разросшиеся ивы. Их следовало обехать и сверху вниз, с пологого берега, расстрелять всю эту оборванную, в несурзных обмотках и мятых шинелях толпу. Русские слишком много вообразили о себе после Сталинграда, но Манштейн довольно успешно начал ответное наступление на Харьков.

Унтер-офицер сменил емкую обойму «люгера», а младший лейтенант Бобич подбежал к своему ручному пулеметчику, раненному несколькими осколками.

Молодой светловолосый парнишка уткнулся в кочку, обнимая ее. То ли молился, то ли плакал от безысходности. Он неплохо вел себя в бою, стрелял и сам заряжал диски после гибели помощника. Но сейчас восемнадцатилетний парень, как и остальные бойцы взвода, отчетливо понимал – они не смогут обороняться на голом льду против брони и двух пулеметов. Бежать тоже некуда...

Но молодой энергичный командир взвода Александр Сергеевич Бобич умирать в этом замерзшем болоте не хотел. Лихорадочно припоминая, что боковая броня «Бюссинга» составляет миллиметров восемь, а рожи в касках торчат открыто и нагло, он нажал на спусковой крючок пулемета Дегтярева.

Раздался щелчок. Если бы в диске оставался, хоть один патрон, младшего лейтенанта изрешетили, убили бы первым. Но «Дегтярев» был пуст.

– Где запасные диски? – шарил вокруг взводный.

– Бесплезно, – прстонал раненный в бедро помкомвзвода, а пулеметчик, приподняв голову, ответил:

– Нема. У меня всего два диска было, расстрелял я их. А остальные у помощника убитого остались. Побьют нас сейчас, – уже не скрывал слез мальчишка.

Лейтенант Чурюмов сам находился у прицела орудия. Наводчик погиб, и они управлялись вдвоем с заряжающим.

Чурюмов прошел путь от башнера легкого танка Т-26, горел, потерял друзей из экипажа, а на фронтах погибла половина родни. Всего пять минут назад он видел расстрелянную роту на снегу опрокинутые санитарные повозки и трупы добитых раненых.

Злость в широкоплечем, грузном, словно небольшой медведь, забайкальце Чурюмове перехлестывала через край. Матерясь, толкнул заряжающего:

– Давай фугасный!

– Я уже бронебойный сунул.

– Ладно, пойдет.

Один из пулеметов «Бюссинга» дал очередь, разбивая лед и срезая кучки камыша. Пулемет был нового образца, МГ-42, скорострельность – двадцать пуль в секунду. Успел перехлестнуть бойца, прикрывшего голову ладонями. Брызнула кровь, по льду покатилаь издырявленная каска.

Пулеметчик повел трассу дальше, подводя ее к следующему красноармейцу. Но «Бюссинг», сбивая прицел, рванул с места, взревев всей мощью двигателя. Пулеметчик, оторвавшись от своего МГ, увидел неподалеку непонятный русский танк. Небольшого размера, с открытой сверху рубкой, но, хорошо знакомой немцам сильной трехдюймовой пушкой ЗИС-3.

– Откуда он взялся? – бормотал унтер-офицер. – Гони быстрее!

– Опомнись, – выругался механик, который и так гнал прочь, выжимая из двигателя все возможное.

Он понимал, что зевнули они крепко, пулеметы не помогут, а русские уже разворачивают свое штурмовое орудие в их сторону.

Как ни хвалили германскую технику, но большая часть ее особо мощными качествами не выделялась. Сто лошадиных сил карбюраторного двигателя не могли достаточно быстро разогнать пятитонную колесно-гусеничную машину.

Да плюс килограммов четыреста упитанной немецкой плоти (экипаж – 6 человек), два пулемета. Боевые трофеи: добытый в хуторе под свинок, мешок с картошкой, мед в бочонке плюс ворох полушубков, бабских теплых платков, валенок – защита от холодной русской зимы.

Лейтенант Чурюмов Захар Захарович (и отца и деда так звали) вломил бронебойной болванкой в кормовую часть, пробив десантный отсек насквозь. Две дыры: одна аккуратная, круглая, а выходная – с вывернутыми краями и трещинами.

Среди дымившихся от жара полушубков и тряпья ворочался рядом с пороссячьей тушей кормовой пулеметчик с перемолотыми ребрами. Обозленный, что упустит долбаного фашиста, Захар Чурюмов целился на этот раз фугасным снарядом.

– Стой! Дорожка! – скомандовал он механику. Молодой унтер-офицер побледнел как полотно, когда первый удар встряхнул машину. Он знал, что пушка, установленная на новой русской машине, прошибает самый сильный немецкий танк Т-4. Что тогда будет с их легким транспортером? Стараясь держать себя в руках, он давал советы механику-водителю, но тот лишь огрызнулся в ответ.

Унтер увлекся азартной стрельбой по бегущим Иванам, не задумываясь, что может получить отпор и погубить экипаж.

– Нам конец! – в отчаянии воскликнул механик, увидев вспышку второго выстрела.

Фугас вскрыл взрывом удлиненный, как свиное рыло, капот. Взлетела, кувыркаясь, верхняя крышка. Разметала куски цилиндров, гнутые трубки, расколотый аккумулятор и прочую начинку двигателя.

Вмяло, хлестнуло огнем по неосторожно открытым стеклам (очень хотелось видеть, как подышают чертовы большевики!). Лицо водителя превратилось в кровавую маску, он вывалился и сделал один, другой шаг, зажимая ладонью место, где были глаза.

Унтер-офицер со своим «люгером» и трое уцелевших солдат выскочили из горевшей машины. Несмотря на контузию, они сумели определить правильное направление и побежали к камышам. Бег их был неровным. Вслед бросились не меньше десятка красноармейцев. Напрасно младший лейтенант Бобич призывал:

– Брать живыми! Нужны языки!

Чудом уцелевший взвод не нуждался в языках. Бойцов не остановили автоматные очереди и торопливые хлопки «люгера», которые свалили двоих бойцов. Ненависть часто бывает сильнее, чем страх смерти.

Унтер-офицер, небольшого роста, с развернутыми плечами гимнаста, со дня на день ждал повышения. За предыдущие бои он был представлен к первому офицерскому званию. Золотые погоны, железный крест, лица близких и уютный родной дом у озера...

Все это мгновенно погасила жгучая боль. Четырехгранный штык со сверкнувшим жалом пробил теплую куртку и живот повыше ремня. Унтер зажимал в омертвевших пальцах «люгер», и красноармеец, не желая рисковать, умело и быстро проткнул фашиста еще раз.

Двое других солдат были забиты, растоптаны в считанные минуты. Самые нетерпеливые из бойцов уже шарили в карманах, подбирали оружие, кто-то стащил сапоги.

«Бюссинг» горел. В густом дыму смешивались запахи жженой человеческой плоти, свиной щетины, вонь горящих полушубков. Двое расторопных бойцов из взвода Бобича, обжигаясь, выдернули из зажимов пулемет, схватили несколько коробок с лентами, дымившиеся солдатские ранцы, что-то еще по мелочам. Один из бойцов, рискуя, влез в огонь и перебросил через борт подгоревшую свиную тушу.

Успели вовремя. В десантном отсеке трещали, лопались патроны, взорвались сразу несколько гранат, полыхнул бензобак.

– Горит, сволочь!

– Хотел нас прикончить, не вышло. Увидели уползающего по снегу механика.

– Куда, гад фашистский?

Сразу несколько бойцов вскинули винтовки и добили его. Одному из красноармейцев этого показалось мало. Вспоминая безысходность, с которой он лежал на льду, ожидая очередь в спину, солдат подбежал к уже мертвому механику и воткнул в него штык.

Из подскочившей самоходки лейтенанта Чурюмова выпрыгивал экипаж. Началась обычная свара из-за трофеев. Главную ценность – часы – поделили быстро. Самоходчики потребовали пулемет, так как именно они уничтожили бронетранспортер. Пехота отдавать не хотела. Доказывали свое:

– Мы тут тоже не отсиживались, бой вели. Трех ребят потеряли, экипаж фрицевский прикончили. А пулемет из огня вытащили, руки пообжигали.

Подъехала машина капитана Ивнева. Павел Карелин с бугра продолжал упрямо посылать снаряд за снарядом в отступающие немецкие танки, хотя до них было уже километра полтора.

Он надеялся угодить в сцепку – буксирный Т-4 и подбитую «плугу», но расстояние рассеивало снаряды.

– Кончай войну, – услышал лейтенант по рации голос Ивнева. – Давай к нам.

Когда подъехали к машинам Ивнева и Чурюмова, там заканчивался дележ трофеев. Комбат, не слишком вступая в спор, приказал забрать пулемет МГ-42 экипажу Чурюмова. Пехотинцам объяснил:

– У вас «Дегтярев» имеется, а в самоходках, кроме пушек да пистолетов, ничего нет.

Взамен великодушно уступил автоматы, а «люгер» убитого унтера протянул взводному:

– Цепляй, заслужил. А «наган» сержанту подари. Но Бобич, хоть и остался доволен трофейным пистолетом, заявил, что пулемет им нужнее.

– На весь взвод всего один «Дегтярев» да два трофейных автомата.

Ивнев лишь отмахнулся:

– Привыкай к войне. Вон рота побитая лежит. Хоть и жалко ребят, но им оружие уже ни к чему. Пошли своих, пусть пулеметы соберут. Там даже «максим» валяется, если никто не подобрал. И не забывай, что это мы тебя спасли, а не ты нас.

Стрелковым оружием самоходчиков снабжали слабо. Пулеметы не полагались. Положенный на экипаж автомат ППШ имелся в лучшем случае в одной машине из трех. Правда, у командиров машин были пистолеты, а остальной экипаж вооружался чем мог. В основном трофеями.

Прихрамывая, подошел Афанасий Солодков с двумя уцелевшими членами экипажа. Механик-водитель, опытный сержант, сгорел вместе с машиной. Афанасий выглядел побитым, ожидая, что Ивнев по своей привычке обложит его от души, да еще цирк устроит. Младший лейтенант не ошибся.

– Ты чего пешком идешь? – закуривая папиросу «Эпоха», спросил комбат. – На машине быстрее бы добрался.

– Сгорела самоходка, – выдавил Солодков. – От попадания вражеского снаряда.

– А сержант Наумов где? Лучший механик-водитель батареи куда делся?

Начиналось уже откровенное унижение. Карелин знал, что отчасти это направлено в его сторону как заместителя командира батареи. Недолюбливает капитан своего зама, может, считает, что тот его подсидеть хочет.

– Погиб Наумов вместе с машиной, – сворачивая сигарку, ответил Карелин. – И еще одна самоходка сгорела. Моя повреждение получила, а у Захара Чурюмова наводчик погиб.

– Это ты мне о потерях так докладываешь? – по-прежнему не повышая голоса, сказал Ивнев. – Ну тогда сигарку, что ли, выплюнь и встань как положено. О погибших товарищах речь идет. Шестеро их у нас. Или они того не достойны?

Алесь Хижняк возмущенно фыркнул, хотел сказать что-то едкое, но промолчал. Подобную ненужную болтовню со стороны комбата старший сержант терпеть не мог, считая, что это ослабляет боевую сплоченность экипажей.

– Достойны, – коротко ответил лейтенант. – И та рота, которая в сосняке лежит, тоже достойна.

Комбат отбросил недокурную папиросу. Это означало, что сейчас он возьмется за промахи Карелина. Но появилось начальство. Долговязый командир полка Мельников, подполковник лет пятидесяти, замполит, кто-то из штабных.

Подполковник от души пожал руку Ивневу кивнул остальным самоходчикам. Сказал, что они молодцы, дрались как надо и крепко выручили полк.

– У меня всего две «сорокопятки» остались, ну и с десяток бронебойных ружей. Ими такую махину не возьмешь, – кивнул он на тяжелый Т-4 с усиленной броней и массивной пушкой, продолжавший чадить на поляне.

Подсчитали немецкие потери: сожгли три танка и приземистую, опасную, как гадюка, «плугу». Уничтожили два бронетранспортера, а еще одну «плугу», крепко подкованную, фрицы уволокли на буксире.

– Неплохо, – оживленно восклицал майор-замполит. – Они двумя ротами кинулись, думали, сомнут нас. А вот хрен им. Роту, считай, выбили. Хорошо горят, а, капитан!

Он хлопнул ладонью по спине Ивнева в знак начальственной благодарности. Громко сообщил, что полковые артиллеристы и взвод противотанковых ружей тоже дрались отважно. Сожгли тяжелый пушечный броневомобиль. Потери личного состава тридцатилетнего замполита с двумя орденами, блестящими сквозь распахнутый полушубок, не волновали.

Карелин заметил, как он мельком глянул на погибшую роту и перевел разговор на другую тему. Команду подсчитать свои потери дал командир полка. Тоже оглядел убитых бойцов, покачал головой:

– Крепко нам врезали. И, как назло, перед заморозками обе батареи «трехдюймовок» в дивизию забрали. Как не вовремя!

Промолчав, окликнул расхोлившегося, кажется выпившего, замполита:

– Ты распорядись насчет похорон и узнай, сколько из санчасти тяжелораненых эвакуировать надо.

– Есть, – неохотно кивнул замполит, который не очень хотел покидать дружную компанию, где наверняка планировалась выпивка.

Но командир полка уже подзывал к себе такого же долговязого, как он сам, младшего лейтенанта Бобича.

– Ты чего «Дегтярева» с собой таскаешь?

– По немецкому броневому собираюсь стрелять.

– Ну и чего не стрельнул?

– Диски кончились, товарищ подполковник. Да и самоходчики вовремя подоспели. Разделали броневик как бог черепаху, одни обломки догорают. А мы экипаж прикончили. Хотели пленного взять, но ребята крепко обозлились. Не удержал.

– Ты вот что, Бобич...

– Бобич моя фамилия, товарищ подполковник.

– Извини, Бобич. Принимай четвертую роту. Командира там убили, один взводный остался, да и тот молодняк. На остальные взводы поставь сержантов поопытнее и свяжись с тыловиками насчет боеприпасов. Фрицы, того и гляди, опять полезут.

Стрелковый полк окапывался, рыли братскую могилу для погибших. Комбат Ивнев запрашивал по радиации снаряды и ремонтников. В самоходке Карелина от сильного удара подтекло масло, отправили в санчасть заряжающего Сорокина. Уходя, он предупредил лейтенанта:

– Я через часок вернусь. На мое место никого не берите.

– Иди, дождемся, – успокоил его Карелин. – Как же тут без тебя!

Прибыли на конной тяге две батареи полевых трехдюймовых орудий ЗИС-3, закрепленные за стрелковым полком и так необдуманно переброшенные на другой участок. Там они и простояли без дела, полк немцы гнали и утюжили до прибытия самоходных установок.

Теперь, хоть и с опозданием, орудия вернули. Их сопровождал заместитель начальника артиллерии дивизии капитан Раенко. На светлом жеребце в яблоках, в сопровождении адъютанта (был ли он ему положен?), бодро поздоровался со всеми, глянул на догоравшие немецкие танки и небрежно заметил:

– Ну что, постреляли немножко? Теперь у вас, товарищ подполковник, нормальная защита.

В батареях были те же орудия ЗИС-3, что стояли на самоходках. Но Раенко почему-то считал, что настоящая артиллерия – это на колесах, а приземистые легкие самоходные установки – так себе, приложение. Командир полка насчитал только семь пушек и спросил капитана, где еще одна.

– Расчет зевнул, пушка под лед провалилась. Возякаются там, достают. К вечеру придут.

Кроме того, капитан не дождался грузовика со снарядами для самоходок и заверил, что он тоже приедет вечером вместе с харчами для батареи Ивнева. Поговорив о том о сем и выпросив трофейный «вальтер», капитан собрался в обратный путь. Его неожиданно притормозил подполковник Мельников:

– Останетесь здесь вместе с орудиями. С начальником артиллерии я вопрос согласовал.

– У меня же в штабе делов невпроворот, – едва не подпрыгнул в седле грузный капитан. – Люди ждут...

– Не мучай лошадь, слезай, – по-комиссарски безоговорочно приказал замполит.

Дело в том, что две батареи – это почти дивизион. Один командир батареи был совсем молодой, а второй вытаскивал километрах в трех отсюда провалившееся под лед орудие. Тоже, судя по всему опыта не имел.

Юрий Евсеевич Раенко хотя и околачивался при штабе, но командовал раньше и взводом, и батареями. Опыт имел.

– Ладно, подчиняюсь произволу, – сделал попытку отшутиться штабист. – На денек останусь.

– Сколько надо, на столько и останешься, – обрезал его Мельников и добавил: – Оборудуй капониры и пошли людей помочь вытащить орудие. Кстати, глубина там большая?

– Метра два... с половиной, – замялся Раенко.

– Это не батарейцы раззявы, а ты сам. Оставил подо льдом орудие, а что с ним дальше будет – наплевать. В штаб к теплой печке рвешься.

По-журавлиному размашисто подполковник Мельников зашагал к санчасти. Распухло и сильно болело плечо, пробитое еще вчера осколком мины.

Батарея самоходных установок капитана Ивнева (вернее, ее остатки) тоже знала свое место в системе обороны.

Правильно отчитал Мельников зам начальника артиллерийской службы. Снарядов осталось – кот наплакал. Ведь он был обязан доставить боеприпасы, но потерял где-то грузовик и утопил по дороге орудие. С чем воевать, если немец снова полезет? У Павла Карелина дыра в рубке, сварка в двух местах лопнула. У Захара Чурюмова погиб наводчик, требовала ремонта гусеница, кое-как скрепленная на ходу.

А самое главное – сгорели две самоходки: считай, половина батареи. Много с тремя машинами навоюешь? Где-то застрял грузовик со снарядами и харчами, а вместе с ним ремонтная машина-летучка со сварочным аппаратом.

Возбуждение от прошедшего боя прошло. Ну, отбили фрицев, танки немецкие догорают. Но у самих потери немалые. Жрать хочется, махорка давно кончилась. Самоходчики разбирали кирки, ломы, лопаты. Вяло переругиваясь, принялись долбить капониры для своих машин. Броня слабоватая, надо получше закапываться.

Глава 2

Лейтенант Карелин – командир самоходки

Семья Павла Карелина жила в небольшом поселке Замошье на берегу Волхова. Хоть и река, и железная дорога поблизости, но места считались глухими. Леса, болота, редкие лесные деревни. Север. До Ленинграда почти двести верст, и тридцать до ближайшего городка Волхов, который уже полтора года находится под немцем.

Почти столько же до линии фронта. Бросив основные силы на Ленинград, фрицы застряли в болотах. Можно сказать, повезло селу Замошье. Правда, везением это назвать трудно.

Почти всех мужиков и парней призвали в первые дни войны. С дороги в учебных полках написали домой бодрые письма (другие не пропустят), а затем как в воду канули.

Лишь в конце года и позже, в сорок втором, пошли потоком казенные конверты, а в них бумажки, похожие одна на другую: «Пропал без вести». Куда же столько людей пропасть могло? Ходили слухи, что многие тысячи угодили в плен. И хоть плен приравнялся к предательству, бабы молились – пусть лучше плен, чем где-нибудь в лесу мертвый лежит.

Много шло похоронок. В такие дни по деревне стоял сплошной вой:

– Пропал Коленька-сыночек, не свидимся мы с тобой никогда...

– Убили папку нашего, как жить теперь будем? Подбирали на войну всех подряд: и больных, и тех, кому лишь семнадцать исполнилось. Добровольцы! Они фашисту-гаду покажут.

Агитаторам, которые наезжали особенно часто собирать военные займы, а заодно убеждали сельчан, что немцев бьют и скоро назад погонят, – не верили.

Старики, воевавшие с германцами в ту войну, обсуждали между собой, что немец драться умеет, не зря так быстро продвигается вперед. И тоже удивлялись, куда пропала такая масса служивых. Говорили так:

– Командиры у нас никудышные. Не то что воевать, солдат своих посчитать не могут – всех порастеряли.

Но выговаривали, что на душе накопилось, тихо. Чтобы не вляпаться за вражескую пропаганду. В холодную зиму сорок первого – сорок второго годов много людей, особенно детишек, умерли от простуды, болезней, голодухи.

Сытно на тощих северных землях никогда не жили. Урожаи хилые, скота в колхозах маю, разве что рыбы и грибов в достатке, но ими не прокормишься.

В первые месяцы людей в Замошье худо-бедно хлебом и мукой снабжали, затем все пошло в осажденный Ленинград. Там, по слухам, в зимние месяцы тысячи помирали. Мор сплошной, беда! Только не знали, что эти тысячи гибли от истощения каждый день, а за время блокады умерли сотни тысяч.

Семья Карелиных потеряла отца, утонувшего при бомбежке, – работал механиком на буксире. Умерла малая сестренка от воспаления легких, погибли два двоюродных брата и еще человек шесть из родни. Ждал призыва младший брат, которому недавно исполнилось семнадцать.

Павла спасла отсрочка. Закончив семь классов, пошел работать на лесозаготовку. Закончил заочно два курса техникума, поставили мастером. Корабельный лес считался стратегическим сырьем, поэтому до лета сорок второго получил отсрочку от армии как ценный специалист.

Но в конце августа, когда совсем худо сложились дела на фронте, а немец вышел к Сталинграду, Павла Карелина направили в Саратовское танковое училище.

Сколько-то проучился, готовясь стать командиром знаменитого Т-34. Даже выслал родне фотокарточку. С нее улыбался крепкий в плечах, светловолосый парень в лихо надвинутой пилотке и гимнастерке с танковыми эмблемами.

Такие фотокарточки приятно посылать девушкам. Но подруга Паши, с кем встречались и уже не только дружили, а сблизилась и вели разговор о будущей свадьбе, ушла к другому еще год назад.

Паша неделями, а чаще месяцами работал на дальнем лесоучастке. Какая это жизнь? Поскучала, подвернулся лейтенант из военкомата. После свадьбы тот было обиделся, что невеста не сохранила себя для настоящего мужа. Долго зудел, упрекал, вскоре наметился ребенок, и жену военкоматовский лейтенант великодушно простил.

Ну а сержанта Карелина неожиданно перевели во вновь созданный учебный самоходно-артиллерийский батальон. Потрепанную форму оставили ту же, лишь танковые эмблемы заменили на артиллерийские – два скрещенных пушечных ствола.

Когда впервые увидел самоходную установку СУ-76, долго, с удивлением рассматривал ее. Танк не танк, а что-то непонятное. Вместо башни массивная, открытая сверху и сзади рубка. Корпус от легкого танка Т-70 с бензиновым двигателем. Броня слабоватая, зато громоздится мощное орудие ЗИС-3. Все вместе получается самоходная пушка на гусеницах.

Те, кто постарше, плевались, жалели, что их не оставили на мощных Т-34 с толстой броней.

– Эту «коломбину» любая пушчонка пробьет, да бензин еще чертов! В секунды вспыхивает.

– Зато выскакать легко, – смеялись остряки. – Крыша-то брезентовая. А можно и без крыши кататься, с ветерком.

Неофициально СУ-76, первую советскую самоходную установку, прозвали «сушка». А кто-то от злости, что предстоит идти в бой, имея броню тридцать пять миллиметров (а боковая всего шестнадцать!), костерил новую машину:

– Это не «сушка», а сучка. Пни сапогом – развалится.

Кто-то невесело посмеялся, соглашаясь, что долгой жизни на такой штуковине не жди. Командир учебного взвода: Мирон Кашута, воевавший на легких БТ-7, где броня толщиной с палец, обматерил паникера:

– Иди в пехоту! Сегодня же рапорт подпишу. Узнаешь, сколько раз обычный боец в атаку ходит.

– Раза два от силы, – подсказал кто-то.

– Ты сначала на сильные стороны глянь и для чего эту штуковину изобрели. Твой Т-34 почти тридцать тонн весит, и броня его не слишком-то спасает. Прицелы и снаряды у фрицев сильные.

Постепенно собрался в кучку весь взвод. Бывалого танкиста, с рассеченной щекой и сожженными кистями рук, слушали внимательно. Говорил, что думал, и не вешал героические басни, которые любили политработники.

– Орудие помощнее, чем на «тридцатьчетверке», – загибал скрюченные пальцы лейтенант. – Сам Сталин ЗИС-3 хвалил, а конструктора Грабина Государственной премией и орденом наградил. За плохую пушку не наградят. Скорострельность двадцать выстрелов в минуту. Это как?

Махал вторым пальцем, обводя глазами курсантов.

– «Тридцатьчетверки» соляркой заправляются, только горят они не хуже. Насмотрелся под Воронежем и на Дону. А нам тем более подставляться нельзя, «сушку» даже чешская 47-миллиметровка насквозь просадит. Но у нашей самоходки вес десять тонн. Всего-то! И высота два метра. Куда ниже, чем у других танков. В траве, если низинку умно выбрать, спрятаться можно. В атаке машина верткая, а вес такой, что нигде не завязнет, если механик не сапог.

При этих словах все заржали, глядя на курсанта, обещавшего проломить броню самоходки сапогом.

– Орудие сильное, скорострельное, скорость приличная. Эта «сучка», как наш сапог выразился, зубы имеет острые. Кусает по-волчьи, насмерть. Карела, ты грамотный парень, скажи, какую броню пушка ЗИС-3 берет?

Павел Карелин, к тому времени младший сержант, одергивал гимнастерку и перечислял:

– На полкилометра семьдесят миллиметров просадит. Считай, лобовину тяжелого Т-4. Даже на километр шестьдесят миллиметров пробьет.

– Во, – подтверждал лейтенант, дважды горевший и пролежавший в засыпанной воронке полдня под носом у фрицев. – А за полкилометра, и даже ближе, нашу самоходку спрятать очень легко.

– Убегать потом трудно, – все же язвил кто-то, понимая истинное положение дел.

– Трудно, – подтверждал Кашута. – Значит, бей наповал, уходи зигзагами, целься лучше. Эх, чего там рассусоливать! Я на «сорокапятку» под Смоленском молился, а если бы мне ЗИС-3 кто-нибудь дал? Только мечтать о такой пушке могли.

Насчет открытой рубки тоже выразился одобрительно:

– Броню ставили, но задымленность сильная от «трехдюймовок». На Т-34 видимости сквозь щели, считай, никакой нет. С открытыми люками катаются. А здесь обзор на все стороны. Тоже большое преимущество. На секунды фрица раньше заметишь, считай, первый выстрел твой.

Училище Павел Карелин закончил в январе сорок третьего. Тогда уже шел разговор о новых погонах со звездочками. Но погоны только собирались вводить, и Павел получил на петлицы блестящие малиновые кубари – младший лейтенант артиллерии, будущий командир самоходной установки.

Участвовал в нескольких боях, был ранен, сумев выбраться из горевшей самоходки. Привык к этой своеобразной машине и, порой заменяя наводчика, успешно всаживал снаряды в немецкие укрепления, поддерживал в атаках пехоту.

Сталкивался с немецкими танками, один подбил. А в другом бою, расстреливая дзот и вражеские траншеи, получил снаряд в лобовую броню. Сумели выскочить вместе с заряжающим из горящей машины, отлежал неделю в санчасти и снова вернулся в батарею.

За умелые действия в бою (и учитывая образование) повысили до лейтенанта, назначили заместителем командира батареи. И вот сегодня второй круг войны после ранения.

Тяжелый, серьезный бой. И потеря таких раньше не было, сразу две сгоревших машины из пяти и шесть погибших ребят. Тягостно и тоскливо было на душе. Карелин после недолгого перерыва снова привыкал к войне.

В каждой самоходке предусмотрели «НЗ» – неприкосновенный запас: консервы, сухари, немного сахара. Все прибрали, пока стояла непривычная для этого времени весенняя распутица. Тылы отстали, да и где остальные машины самоходно-артиллерийского полка – неясно.

Подполковник Мельников, командир стрелкового полка, хоть и похвалил батарею за смелость в бою и неплохие результаты, однако насчет харчей и махорки не позаботился. Может, и сама пехота бедствовала, а может, не до самоходчиков было.

И ребят хоронили сами. Павел Карелин, сходя к тыловикам, увидел, что перед тем, как уложить в братскую могилу, снимают с убитых шинели, шапки, обувь, даже рваные гимнастерки и штаны в бурых пятнах крови.

Еще тягостнее и противнее стало. Похоронщики, кряхтя, тащили с задубевших тел тряпье, прятали в карманы приглянувшиеся вещички вроде портсигаров, ножей, хороших кисетов с остатками табака.

До того разозлился на сытые тыловые морды, что даже закурить не попросил. Наскреб из кисета остатки махорки пополам с пылью и, вернувшись, рассказал увиденное комбату Ивнев. Это в бою они цапнулись, а так отношения были в принципе нормальные. Можно и дружескими назвать. Капитан не в тылу отсиживался, воюет, как все.

Комбат угостил лейтенанта водкой, разломил на двоих сухарь и сказал, что своих похоронят сами. Тем более в одной из сгоревших машин лишь головешки да подошвы от сапог остались.

– Займись, – попросил капитан заместителя. – А мы тут оборону строить будем. Земля мерзлая, капониры поглубже долбить надо. На нашу броню надежда слабая.

Пошел с помощниками выполнять. Трое ребят сохранились более-менее. А троих отскребали лопатами, разделили на равные кучки обгорелые кости, обрывки обуви. По оплавившемуся пистолету определили погибшего командира «сушки».

Впрочем, уже не определишь по костям да обрывкам, где – чьи останки. Все вместе лежать будут под одним могильным холмом и наскоро сколоченной пирамидкой со звездой.

Младший лейтенант Афоня Солодков, министр без портфеля, то бишь командир без машины, вместе с двумя уцелевшими самоходчиками старательно помогал, заглаживая вину. А какая вина? Опыта мало, сунулся слишком резво, и конец машине вместе с механиком-водителем. Мог бы и осторожнее действовать, позади плестись. Тогда бы в трусости обвинили.

– Ладно, Афоня, не горюй, – подбодрил его Карелин. – Сгорела самоходка – другую дадут. А насчет механика... в полку сегодня сотню людей без малого похоронили да целый обоз в санбат отвезли. Тоже не все выживут. Крайних не найдешь, кладем людей сотнями.

Заметил, что оставшийся в одной безрукавке Солодков трясется от холода. Нашли для него телогрейку. Наводчик с заряжающим где-то добыли в придачу к своим фуфайкам еще и шинели.

– Чего о командире не позаботились? – спросил Хижняк.

– Зато он о нас позаботился, – огрызнулся наводчик, когда-то служивший на речном мониторе и сохранивший с тех времен тельняшку. – Был экипаж, была машина, а нынче гоп-компания осталась.

– Смелый парень, – похвалил его Алесь Хижняк. – Сразу видно поплавал в лохани – теперь сам черт не брат. Если начальство командира хает, можно и тебе тявкнуть. «Якало» свое показать.

Бывший моряк Геннадий Кирич, заводила в своей компании, «безлошадного» командира Солодкова за начальника уже не считал, но спорить с Хижняком поостерегся. Тот оттянет так, что мало не покажется. Да еще дружок его Мишка Швецов добавит.

Похоронили ребят, дали три залпа. Сидели у мелких костерков, ждали тыловиков, ремонтников. Пришел Саша Бобич с ординарцем, вещмешком и неизменной полевой сумкой.

Принесли несколько кусков сырой свинины. Поделились с самоходами кусками трофейной туши, вытащенной из подожженного «Бюссинга». Бобич, уже с двумя кубарями на петлицах (лейтенант, командир роты!), достал также буханку хлеба, махорки и бултыхнул флягой.

– Почти полная! Потери большие, а довольствие положено на всю роту.

– А наши чмошники все ползут, – ругнулся Ивнев. – Заблудились в трех соснах. Давай разливай.

Налили командирам машин (Афоня Солодков отказался), старшине. Выпили, занюхали хлебом. Экипажи курили принесенную махорку, с завистью принюхивались, но на всех водки не хватит. Зато через час будет готов наваристый суп со свининой.

Старшина уже развел костер в воронке, раздобыл ведро и с помощниками варил мясо. В темноте отчетливо слышалась ругань. Новый командир дивизиона Раенко костерил комбата, который не смог вытащить из вязкого озерного ила провалившуюся под лед пушку.

Впрягали и шесть, и восемь лошадей, но орудие весило с передком две тонны, и сделать ничего не удалось. Мокрый с ног до головы расчет, дрожа от холода, сушился у костра, а Раенко орал на молодого командира батареи:

– Ты у меня всю ночь вытаскивать свою оглоблю будешь. Мало расчета – возьми половину остальных пушкарей.

Неизвестно, сколько бы он еще кричал, но пришел помначштаба полка – и, вникнув в дело, заявил:

– Хватит глотку драть! Ночью все равно ничего не сделаешь. Утром самоходку дадим, ребята помогут выдернуть. Вы хоть передок догадались отцепить, когда вытаскивали?

– Не положено. Там боезапас, тридцать снарядов, принадлежности.

– В нем семьсот килограммов веса. Отцепили бы и пушку выдернули.

Комбат промолчал. Передок запретил отцеплять Раенко, опасаясь, что засосет илом. Помначштаба ситуацию понял:

– Ладно, сушитесь, отдыхайте.

А Юрий Евсеевич Раенко злился не из-за провалившейся под лед пушки. Никуда она из озера не денется. Вытащат утром. Бесило неожиданное понижение в должности. Сказали, что временное, но из линейного полка с передовой в штаб вернуться непросто.

Наверное, кто-то уже занял его место в двухместной землянке с печкой, нарами и даже матрасом. И должность, может, уже забрали, оставив заслуженного капитана в задрипанном пехотном полку командовать двумя батареями «трехдюймовок».

В дивизии без малого сотня орудий да минометы, а он заместитель начальника артиллерии. Теперь вместо сотни пушек дали восемь, да и то одна подо льдом. Злился и на то, что перехватят личную связистку Люсю, на которую многие облизывались, но Раенко держал теплую девку возле себя согласно штатной должности. Уведут, гады!

По-разному складывалась судьба командиров. Комбат Ивнев так и будет командовать батареей, пока не нарвется на снаряд. Потому как ни грамотности, ни подхода к начальству не имеет. И Карелин, его заместитель, заброшен сюда из северной глухомани, где в лаптях до сих пор ходят. Ему тоже высоко не прыгнуть. Сегодня уцелел, повезло, а завтра неизвестно, что будет.

Сам Юрий Евсеевич Раенко окончил училище в тридцать восьмом году. Полноценное, двухгодичное, да еще гаубичные курсы под Москвой. Пришлось, правда, повоевать. Заработал за восемь месяцев две контузии, рану в задницу, едва мужское хозяйство не оторвало. Дали в награду третью звездочку. Вот и вся благодарность. Воюй, пока башку не оторвут.

А потом встретил земляка, тот перетащил его в штаб дивизии. Хоть и тяжелый выдался сорок второй год, но штаб есть штаб. За те же восемь-девять месяцев добился старательностью и услужливостью немалой должности заместителя начальника артиллерии.

В линейном полку, кроме ранений да ругани, ничего не заработал, а в штабе получил вначале одну за другой две медали «За боевые заслуги», а затем, когда добились Паулюса, орден Красной Звезды. Хоть и не имел Раенко отношения к Сталинградской победе, но тогда награждали многих. И «капитана» присвоили – заслужил!

Но судьба играет с человеком как хочет. Кто мог подумать, что рядовая поездка в стрелковый полк закончится встречей с настырным солдафоном, подполковником Мельниковым. Угробил свою артиллерию, теперь хочет выехать на Раенко.

Мрачным и багрово-темным было холодное мартовское небо, закрытое облаками. Такой же мрачный лес вокруг, а в нем тыловые подразделения, штаб полка, санчасть. Они хотя бы под прикрытием деревьев, а боевые подразделения раскиданы на открытом месте, на опушке.

В разных местах взлетали осветительные ракеты. Тени высоких деревьев стремительно надвигались черными полосами, переkreщивались, окружая Раенко темнотой. Редкие орудий-

ные выстрелы звучали с разных сторон. Но больше всего капитана беспокоила стрельба на северо-востоке. Значит, немцы прорвались и полк теперь в окружении?

Вылезать на открытое место к своим батареям Юрию Евсеевичу не хотелось. Верные своей привычке не давать русским покоя и ночью, на опушке изредка взрывались гаубичные снаряды. Иногда раздавался один-другой залп минометной батареи. Немцы стреляли по принципу «на кого Бог пошлет». Это держало бойцов в напряжении, особенно молодняк.

Дождавшись, когда сверкнули вспышки очередного минометного залпа (значит, следующий будет не скоро), Раенко обошел все семь своих орудий. Расчеты спали. Бодрствовали лишь дежурные и командиры взводов. Эти примитивные люди в потрепанных шинелях и несурзных ботинках с обмотками были ему бесконечно далеки, но и шататься одному не хотелось. Отвык от передовой, мерещилась всякая чертовщина.

– Потерь нет? – спросил Раенко.

– Нет, – оживленно ответили сразу несколько голосов. – Немец пугает больше.

– Пугает не пугает, а фугас в траншею боевого охранения закатили. Какого-то лейтенанта наповал убило, и контуженые есть.

– Это далеко от нас, – успокоили Раенко. – В километре. Здесь пока спокойно.

Штабной капитан нервно зевнул. Пальнули по охранению – жди залпа и по орудийным позициям. Небось фрицы разглядели, как батарейцы окопы копали. Помялся, выкурил папиросу, никого не угостив, – всего неполная пачка осталась.

Долг свой выполнил, позицию проверил, можно возвращаться в лес и отдохнуть. Для Раенко саперы соорудили небольшую землянку. Дрянь, а не укрытие! Два бревенчатых наката, земля, нары, самодельный стол, даже печки нет. Юрий Евсеевич потребовал установить печку и положить третий бревенчатый накат.

Но старшина-сапер, собирая свое отделение, лишь буркнул в ответ:

– Как было приказано, так и сделали. А печку в лесу, да еще ночью, я вам не найду.

Неподалеку ахнул взрыв. Морозный ветерок принес кислый дух сгоревшей взрывчатки. По звуку Раенко догадался, что стреляли из «стопятки». Такой снаряд вдребезги его землянку разнесет.

– Делайте третий накат и земли подсыпьте, – властным голосом дивизионного штабиста приказал капитан. – Выполнять немедленно!

Но отделение уже уходило. Лишь старшина в бушлате, с топором за поясом, ответил, обернувшись на секунду:

– Нам еще заграждения натягивать. До утра провозимся. А два или три наката – разницы нет. Снаряд «стопятки» пуд весит. Он и четыре наката просадит, все в щепки разнесет.

Наглость старшины капитан взбесила, он даже крикнул вслед:

– А ну стоять!

Но замотанные бессонницей саперы даже не обернулись. Капризного начальства, требующего персональные блиндажи, нагляделись досыта. А этот артиллерийский капитан им не указ, у них свой командир есть. Раенко приказал старшине принести брезент и пару шинелей.

Сам он опять пошел в свои батареи. В лесу, где беспробудно спали уставшие за день бойцы и командиры, было тоскливо да и, откровенно сказать, страшновато. Снова мелькали черные тени, чудились глаза вражеских разведчиков, высматривающих добычу. Лучше уж в капонире приткнуться – в землянке не теплее.

Обстановка в тот период складывалась тяжелая. Сталинградская битва закончилась. В Германии провели траур по тремстам тысячам сгинувших германских воинов. Сам факт, что немцы признали поражение, говорил о том, что они продолжают не сомневаться в силе вермахта и не собираются засекречивать свое поражение.

Да, мы открыто скорбим по своим героям, но пусть русские не думают, что это останется без последствий! А тем временем по всем странам гуляли многочисленные копии документального фильма о Сталинградской битве. Дальновидно поступил товарищ Сталин. Одно дело – слова и сообщения в газетах, а другое – вот она, картина разгрома.

Заснеженная российская степь, тысячи присыпанных неглубоким снегом трупов, груды исковерканной немецкой техники. Вместо города – развалины, и снова замерзшие, скрюченные тела солдат и офицеров вермахта. Распахнутые в жутком оскале мертвые рты, раздавленные гусеницами танков тела, разорванные взрывами русских снарядов расчеты возле смятых пушек. Дорого обошелся Германии этот поход на Волгу.

Через огромную замерзшую реку и по холмам двигались бесконечные колонны пленных, закутанных в тряпье, в растоптанных соломенных калошах, вялые и равнодушные ко всему. Но этот крепкий удар было рано называть катастрофой немецкой армии.

Убедив Сталина, что после такого мощного удара вермахт уже не очухается, маршалы и генералы с сытыми загривками, увешанные звездами и орденами, выкладывали наспех разработанные планы, один грандиознее другого. Красные стрелы еще более мощных ударов пронзали немецкие укрепления.

Снова, как год назад, после битвы под Москвой, уверенно доказывали, что можно к концу сорок третьего года дойти до Берлина. Верховный задумчиво ходил по кабинету со своей знаменитой трубкой, размышлял, взвешивая силы.

Но даже те, кто понимали реальное положение дел, знали цифры наших огромных потерь в людях и технике, согласно кивали: «А что? Дойдем и разгромим!» Народу в России хватит.

О том, что под Сталинградом погибли 550 тысяч наших солдат, нигде не упоминалось. Цифры вырвались наружу лишь спустя полвека.

А тогда, в январе-феврале сорок третьего года, катились лавиной на запад части Красной Армии, освобождая город за городом. О масштабах мощного удара можно было судить по датам взятия крупных городов. Только с 12 по 16 февраля были освобождены Ростов, Харьков, Шахты, Сталино (ныне Донецк), сотни населенных пунктов.

Об этом не устава трубили газеты и радио. Тон статей и передач был излишне самоуверен, а слово «катастрофа» выносило преждевременный приговор еще мощной, далеко не сломленной немецкой армии. Передовые части Красной Армии непрерывно наступали, несли потери, отрывались от баз снабжения. Но слово «вперед» и команды из Москвы безоговорочно толкали ослабевшие дивизии и бригады снова в наступление.

Фельдмаршал Манштейн, чутко державший руку на пульсе Юго-Западного фронта, поймал нужный момент и 19 февраля 1943 года нанес мощный контрудар.

В считанные дни был прорван фронт. Немецкие танки вышли к Северскому Донцу, овладели крупной узловой станцией Лозовая и, развивая наступление, двигались к Харькову, второму по величине городу Украины. Манштейн намеревался взять реванш за Сталинград, нанося новые удары.

Седьмого марта, поддерживая наступающие немецкие войска, вступил в действие мощный армейский корпус «Раус». В шеститомнике «История Великой Отечественной войны» приводятся такие цифры: в период контрудара немцы превосходили нас вдвое в живой силе, в два с половиной раза – в танках, артиллерии и в три раза – в авиации.

Верится в это с трудом, ведь лишь недавно вела наступления наша мощнейшая группировка под Сталинградом. Битва закончилась второго февраля. Куда делись за две недели все эти силы?

Еще большее недоверие вызывают в серьезном (хоть и не слишком правдивом историческом труде) сказочные истории, вроде подвига взвода лейтенанта Широина. 25 человек с единственной противотанковой пушкой пять дней без усталости молотили наступающие немец-

кие части и уничтожили 30 танков, штурмовых орудий и бронемашин. Для кого сочинялись подобные истории, если любой солдат сразу видел неприкрытую ложь?

Лейтенант Широнин и его бойцы были отважными, смелыми людьми, но их реальные боевые дела были превращены в очередную лживую агитационную листовку.

Как бы то ни было, но наши части сражались самоотверженно, и путь на Харьков, освобожденный совсем недавно (16 февраля 1943 года) превратился для немецких войск в череду тяжелых боев и немалых потерь.

И все же вермахт продвигался вперед. Поэтому так тревожно было в лесу, где готовился к обороне, а возможно, и к контрудару, стрелковый полк подполковника Мельникова.

Ночь поспать толком не удалось. Немцы вели хоть и не слишком частый, но постоянный артобстрел, унесший к утру еще несколько жизней.

На рассвете прибыла наконец колонна с боеприпасами и продовольствием, гаубицы, батарея противотанковых «сорокапятков». Раенко получил недостающую батарею трехдюймовых орудий ЗИС-3 и стал командиром полноценного дивизиона. Батарею самоходных установок тоже пополнили двумя машинами.

Лейтенант Карелин, возившийся с ремонтниками, с удивлением смотрел на маршевиков. Его не удивляли прожженные, залатанные шинели третьего срока, стоптанные ботинки, снятые, видимо, снабженцами с погибших. Прибыло большое количество совсем зеленых бойцов, которые, судя по всему, даже не прошли первоначальную подготовку.

Сбившиеся обмотки, перепоясанные кое-как шинели, смесь шапок и преждевременно выданных пилоток. Их натягивали на уши, чтобы защититься от мороза. Снаряжение составляли в основном противогазы и фляжки (чаще стеклянные). Правда, винтовки имелись почти у всех. Редкие ручные пулеметы, кое-где торчали длинные стволы противотанковых ружей.

Странное выражение на лице Карелина заметил замполит.

– Вот это подкрепление! Теперь можно и наступать. Сил хватит.

Лейтенант ничего не ответил. Подозвал худого мальчишку, растерянно вертевшего головой. Ему было лет семнадцать, не больше. Видимо, он натер ноги и стоял босой ступней на смятом кирзовом ботинке. Карелин окликнул лейтенанта Бобича, который тоже получал людей для своей роты:

– Саша, возьми к себе вон того парнишку.

– Что, земляк?

– Он самый. – И подмигнул Бобичу.

Тот вымученно улыбнулся в ответ. Командовать ротой, когда он едва справлялся со взводом, казалось лейтенанту делом совершенно непостижимым. Его во взводе за спиной порой «бобиком» называли, когда он требовал дисциплины, а тут рота. Правда, неполная, насчитывающая вместе с вновь прибывшими человек восемьдесят.

Но отношение к лейтенанту после вчерашнего дня резко изменилось. Он этого и сам не успел заметить. Просто люди видели, что он, единственный из всех, схватился в самый трудный момент за оружие. Пусть бесполезный, да еще пустой ручной пулемет. Но собирался воевать всерьез, давая возможность спастись хоть малой части взвода.

– Александр Сергеевич, чего киснешь? – протянул ему кисет Карелин. – Весна на дворе, скоро травка зазеленеет. Как там твой тезка-поэт про весну писал?

– Пушкин больше осень любил.

– Глянь, танки подтянулись. Не иначе, наступать будем.

Действительно, прибыла рота «тридцатьчетверок» в количестве десяти машин. Судя по всему, готовилось наступление. Мимо проследовала одна из самоходок. Ивнев по приказу командира полка выделил машину и на рассвете все же вытащил завязшую в озере «трехдюмовку».

Напрягая не слишком великие лошадиные силы, машина Захара Чурюмова тащила облепленное илом орудие. Следом подпрыгивал на кочках передок со свернутым колесом. Видимо, его вытаскивали отдельно. Отцепляя пушку, Чурюмов напомнил Раенко:

– Литр спирта, как договаривались. У меня двигун едва не заклинило, пока я твою оглоблю тащил.

– Командир батареи принесет, – отмахнулся орденосец Раенко. – Я снова в дивизию отбываю.

Видя, как скапливаются танки, артиллерия, капитан также не сомневался, что готовится наступление и его отзовут опять в штаб.

– Я за своим законным литром бегать не собираюсь, – надвинулся на Раенко потомственный забайкальский охотник и рыбак Захар Чурюмов, которому плевать было на чьи-то должности. – Чтобы литруха здесь через десять минут была!

Сгреб промасленной пятерней воротник штабного полушубка и встряхнул капитана. Три награды и по четыре звездочки на погонях, а болтается как говно в проруби – в тыл рвется.

«Я с тобой еще рассчитаюсь», – матерился в душе Юрий Евсеевич, направляясь к командиру полка Мельникову. Вокруг него толпились офицеры, что-то обсуждали. Когда Раенко все же пробился к подполковнику, тот отмахнулся:

– Какой штаб? Не видишь, что творится? Наступление на носу. А у тебя орудийный дивизион под командой. Снарядов тройную норму завезли, укрепления прорывать будешь. И за свою прежнюю должность не переживай. Ночью немецкая колонна едва ваш штаб не передала. Повезло, что «тридцатьчетверки» выручили. Все, шагай, командуй дивизионом.

Манштейн стремился замкнуть кольцо вокруг Харькова. Кое-где наши войска, лишённые информации, продолжали наступать. В других местах становились в оборону и наносили контрудары. По-прежнему действовал жесткий приказ Сталина № 227 от 28 июля 1942 года «Ни шагу назад».

Полк Мельникова торопился закрепиться на возвышенности, откуда планировалось нанести контрудар. Пока в пределах видимости на невысокой, поросшей редким лесом плоской высоте находилась лишь передовая немецкая группа: небольшое количество танков, штурмовые орудия, несколько полевых пушек, минометов и пулеметные гнезда.

Ивневу приказали взять на броню роту Бобича и, форсировав замерзшую речушку, ударить с левого фланга. К комбату подбежал Афоня Солодков и растерянно спросил:

– А мне что делать?

Рядом с ним стояли наводчик и заряжающий. Наводчик был из старых опытных бойцов, и комбат, не раздумывая, приказал ему занять место наводчика на одной из вновь прибывших самоходок. Тот весело козырнул и побежал исполнять приказ.

Конечно, ничего веселого в предстоящей атаке нет, но это лучше, чем болтаться неприкаянным. Чурюмов решил проявить великодушие и хотел было взять Солодкова в качестве пулеметчика. Но младший лейтенант в новом немецком МГ-42 не разбирался. Там имелись свои хитрости: умение быстро сменить перегревшийся ствол или затвор, выправить ленту.

– Я смогу – вызвался заряжающий. Афанасий Солодков остался и без машины, и без экипажа. Непонятно, почему старательного, хоть и неопытного командира проигнорировал капитан Ивнев. Была у него нехорошая привычка принизить подчиненных, допустивших оплошность.

Афоню забрал к себе Паша Карелин, хотя машина его и так была загружена сверх нормы. Приказали взять вместо положенных шестидесяти снарядов по восемьдесят. Броню облепило отделение десантников, здесь же находился ротный лейтенант Бобич.

– Шины от такой перегрузки лопнут, – обошел самоходку механик Алесь Хижняк и подмигнул Бобичу – Не знаю, что и делать.

– А что, у вас колеса надувные? – спросил ротный.

Все дружно заржали, засмеялся и сам Александр Сергеевич. Быстро меняются люди на войне. Пару дней назад неуклюжий тезка великого поэта неуверенно расхаживал в своей длинной шинели с вещмешком за плечом, набитым кучей ненужных бумаг, планшетом и старым «наганом» в кирзовой кобуре.

Сейчас по совету Карелина сменил неуклюжую шинель на туго подпоясанную телогрейку. Удобную, не цепляющую длинными лапами за все подряд. Вещмешок забрал в обоз старшина, он же выдал новые сапоги и шапку.

Вместо «нагана» в плотной кожаной кобуре висел трофейный «люгер». Старшина выдал также автомат МП-40. Десант – дело серьезное: автомат всегда нужен.

– Магазины запасные, штуки четыре, в голенища суньте, – советовал старшина, который еще вчера подсмеивался над неуклюжим взводным.

Впереди двинулся мотоцикл разведки. Трое лихих ребят в телогрейках, шапках (каска не признавали), с автоматами за спиной.

Пришла в движение двухтысячная масса людей, танки, самоходные установки, конные упряжки с легкими «сорокапятками». Солнце зашло за облака, дул встречный ветер.

Брезент на самоходки не натягивали, Ивнев чувствовал себя под ним как в мышеловке. Ну а с него брали пример подчиненные. Перемахнули замерзшую речку. Лед ломался, из-под гусениц выплескивалась вода. Миновали вмерзший в лед грузовик ЗИС-5 с распахнутыми дверцами. Видимо, завяз здесь в распутницу, а немцы добывать его не стали – будущий трофей.

Немного подальше, на склоне, проехали мимо подбитых танков. Пара легких Т-70 сгорели до основания. «Тридцатьчетверка» со свернутой башней закоптилась, торчали открытые люки. Рядом двое из экипажа с заиндевевшими угольными лицами.

Десант притих, провожая взглядами мертвых. Кто-то вздохнул:

– Не сладко ребятам пришлось.

Затем примолкли. Рядами, кучами и поодиночке лежала побитая пехота. Кто помоложе, смотрели оцепенев – страшное, безобразное лицо у смерти.

Лежали скрюченные болью и морозом тела в лужах замерзшей крови. Кто-то с оторванными руками, ногами (поработали мины), кто-то в излохмаченных пулеметными пробоинами шинелях. Страшно глядеть было на тех, кого давили двадцатитонные «пантеры» – месиво костей, мышц, сплюснутые тела.

Бобич проводил взглядом лейтенанта с раздавленной в блин головой и каской. Кубари на петлицах разглядел отчетливо. Специально, сволочи, исковеркали лейтенанта, чтобы и лица не осталось. Не заметили, как правее разгоралась перестрелка. Ухали от леса гаубицы, более звонко отдавались выстрелы «трехдймовок». Неподалеку взорвался снаряд немецкой полевой пушки. Следом еще и еще.

Все пять самоходов шли зигзагами. Одну встряхнуло на каменистом выступе. Не удержавшись, свалился боец. В разные стороны, звеня, покатались винтовка и каска.

– Стой! Человека потеряли.

Захар Чурюмов остановил «сушку». Бойцы торопили красноармейца, который, подняв винтовку, ковылял за каской.

– Быстрее!

– Чего телишься!

– Так ведь боевое имущество...

– Шапку лучше подбери. Вон там, за камнем. Остановка на десяток секунд, хотя до немецких стволов было еще далеко, едва не обернулась бедой. Снаряд ударил вскользь о крупный камень, от ricoшета и взорвался в воздухе.

– Шевелись, мудака! – заревело десантное отделение, и громче всех лейтенант Чурюмов, командир машины.

Бойца втащили на броню. При этом винтовка снова упала вниз, но подбирать ее никто не собирался. Снаряд «семидесятипятки», пробивающий за километр лобовую броню Т-34, смертельно опасный для легкой самоходки, лязгнул о камень в метре от гусениц.

Разнес его в мелкие брызги. Елозя, прошипел раскаленными боками о снег и врезался в сухой куст краснотала, который сразу задымил, пуская мелкие язычки огня.

– Дурак чертов! – воспитывал бойца сержант, влепив затрещину. – Всех мог погубить!

Не отпуская набирающую ход «сушку», взорвались три-четыре мины подряд. С разбросом, не слишком точно, но трехкилограммовые 80-миллиметровки были для самоходов не менее опасны, чем снаряды.

Влетит сверху в открытую рубку – угробит или перекалечит экипаж. А если сдетонирует усиленный боезапас, восемь десятков снарядов, клочков и от десанта не останется.

Справа замер и сползал вниз по склону Т-34. Видимо, повредило ходовую часть. Там тоже сидел десант, который горохом посыпался в разные стороны. Снаряд сорвал гусеницу, и «тридцатьчетверка» встала боком к немецким пушкам.

Механик делал все, что мог. Мотор ревел, снова глох. Из жалюзи валил дым. Командир Т-34, развернув башню, посылал снаряд за снарядом с отчаянием обреченного человека. Он не мог покинуть машину с исправным оружием, хотя знал, что жить ему осталось считанные минуты.

За спиной Павла скрипел зубами и бормотал невнятное Вася Сорокин. В такие минуты его глаза расширялись до предела, багровели оспины, густо усыпавшие лоб.

– Убьют сейчас, – прошептал он. – Прыгай... Снаряд врезался в борт, танк загорелся. Успели выскочить двое. Из люков и пробоин вырывались языки пламени, но «тридцатьчетверка» почему-то не взрывалась.

– Сейчас взорвется, – продолжал бессвязно бормотать ефрейтор Сорокин. – Прыгать раньше надо было.

– Да заткнись ты, – оборвал его наводчик Швецов. – Может, стрельнем, товарищ лейтенант.

– Рановато.

В этот момент «тридцатьчетверка» взорвалась. Загруженный под завязку боезапасом, как и вся остальная техника, Т-34 мгновенно превратился в клубок огня.

Башня, перевернувшись, отлетела и легла на крышу. Внутри нее ахнули еще несколько снарядов в боковых гнездах. Лопнула сварка, башню вскрыло, словно консервную банку, она тоже горела. Хотя что могло гореть в ней кроме железа и человеческих тел?

– Огонь вон по той «гадюке»! – Карелин показывал на еле заметный капонир с немецкой «семидесятипяткой».

На ходу, да еще с дальнего расстояния, конечно, промазали. Немецкая пушка вела огонь по другой цели и стала разворачивать едва торчавший над землей ствол, когда Швецов выпустил в нее второй снаряд, но опять промахнулся.

И сразу же, со скоростью восемьсот метров в секунду, жутко просвистела искрящаяся в пасмурной хмари немецкая болванка.

Миша Швецов – хороший наводчик. На учебных стрельбах без промаха попадал за полкилометра в мишень размером с чердачное окошко.

Но в бою у всех играют нервы. За спиной огромным костром из сотен литров солярки с ревом горит «тридцатьчетверка», у которой броня была куда толще, чем у тебя, но ее это не спасло. А в твою сторону доворачивает последние сантиметры длинный хищный ствол, способный просадить своим снарядом и тебя, и самоходку.

– Уходим, – потерял на какие-то секунды выдержку старший сержант Швецов, но выкрикивал другую команду лейтенант Карелин, видя, что Вася Сорокин уже вбросил в казенник пушки снаряд. Успеем, опередим гада.

– Дорожка!

То есть огонь с короткой остановки, и страх, нервы – в сторону. Бог, наверное, и правда любит троицу. Швецов нажал на спуск. Наводчик и мощная русская пушка не подвели.

Шесть килограммов тротила и металла в оболочке снаряда рванули, согнув ствол и перевернув «гадюку» набок.

Теперь полный газ! Над слежавшимся серым снегом перекрещивались разноцветные пулеметные трассы. Вели пальбу минометы. Ударили на ходу фугасным снарядом в дзот, перекрытый шпалами. Промахнулись. Хотели стрельнуть еще раз, но появился противник более серьезный.

В машину Карелина летели короткие сверкающие трассы. Вел огонь чешский пулемет «беза» бронебойного калибра 15 миллиметров, массивный, на резиновых, как у пушки, колесах. Пули лязгнули в лоб самоходки, словно огромное зубило.

Такой калибр пробьет рубку метров с двухсот или порвет гусеницы. Одновременно звучно шлепнуло о человеческую плоть. Короткий крик – и десантника рядом с Афоней Солодовым сбросило на землю.

Младший лейтенант на мгновение поймал ускользающий, наполненный ужасом взгляд умирающего человека. Со второго выстрела Швецов разбил пушку-пулемет. Разбросало в стороны расчет и тяжелый ствол с обрывком ленты, крутилось на льду смятое колесо.

Но в последние секунды очередь достала еще одного десантника. Почти напроочь оторвало руку у плеча и швырнуло на смерзшийся снег. Возможно, парня можно было бы спасти, перевязать, но уже слишком близко подошли к немецким позициям.

Любая остановка грозила смертельным для экипажа и десанта попаданием. Дымила, выплескивая первые языки пламени, «тридцатьчетверка». Двое танкистов тащили в сторону раненого товарища, ноги бессильно бороздили снег.

Снаряд пробил верхнюю часть рубки одной из новых самоходок, присланных утром. Калибр снаряда был небольшой, миллиметров пятьдесят. Но этого хватало, чтобы исковеркать, убить командира и смертельно ранить заряжающего, проломив ему грудную клетку.

В машине, забрызганной кровью, возникла паника. Прыгали вниз десантники. Наводчик, контуженный тугой, как резина, динамической струей, ворочался, не в силах ничего предпринять.

Механик-водитель, открыв люк, гнал самоходку прямиком на траншею. Лихорадочно прикидывал, сумеет ли перескочить ее. Дал полный газ и перелетел двухметровую яму.

Утяжеленная корма начала заваливаться вниз, но механик, мокрый от пота и напряжения, изо всех сил давил на педаль газа. Самоходка тяжело выползла наверх.

Механик с маху догнал убежавшего немца. Удар на скорости о человеческое тело получился таким сильным, что машину подбросило.

– Эй, есть кто там живой? – кричал механик.

– Я живой... десантник.

– Стреляй из пушки, чего смотришь?

– Не умею, – отозвался тот же голос.

– Бей из автомата. Видишь, бегут фрицы. Сожгут к чертовой матери.

Десантник, рыжий худой парень, хоть и оглушенный, открыл огонь из ППШ. Скорострельный автомат (пятнадцать пуль в секунду) в руках не слишком опытного бойца рассыпал беспорядочные очереди, не достигая цели.

Затвор лязгнул – кончился диск. Под машину влетела граната, взорвалась. Еще один немец, присев, открутил колпачок и дернул запальный шнур. Механик тщетно пытался сбить его корпусом, но мешал бугор.

– Стреляй, мать твою! Снаряды взорвутся, на клочки разнесут.

Рыжий сноровисто вставил запасной диск и длинной очередью хлестнул по немцу. Через пару секунд взорвалась выпавшая из руки граната и звякнула мелкими осколками по броне.

– Убил гада! Ей-богу, убил, – кричал десантник и стрелял куда-то еще.

Самоходка Ивнева получила удар в гусеницу. Выкручивая машину, механик развернул ее орудием в сторону танка Т-3, подковавшего машину комбата. Немец собирался выстрелить снова, но не успел.

Капитан, сам наводивший прицел, всадил подкалиберный снаряд в лобовую броню Т-3, который, дернувшись, застыл, а через минуту загорелся.

Продолжая крутиться на одной гусенице, орудие Ивнева всаживало снаряды во все цели подряд. В дзот, сложенный из шпал, бегущих немцев, мелькнувший и тут же исчезнувший тяжелый броневомобиль «Бюссин-НАГ». Из развалин дзота, окутанных густым маслянистым дымом, выползали пулеметчики.

Массивный восьмитонный броневик с гаубицей-«семидесятипяткой», но слабой броней не решился связываться с бешено вращавшейся русской самоходкой, посылающей снаряд за снарядом. Там сидели фанатики, и лезть к ним было опасно, хотя у машины действовала лишь одна гусеница.

Бой уже подходил к переломному моменту. Немецкая штурмовая часть, теснившая стрелковый полк и нанеся ему крепкий удар, тоже понесла немалые потери от подоспевших новых русских самоходов. Мелких, но пробивающих своими пушками броню танков. Даже усиленную защиту тяжелых Т-4.

Сегодня сгорели и были подбиты еще несколько немецких машин. Огрызаясь, танки и штурмовые орудия отходили. Два танка сумели оттащить на буксире.

Немцы посчитали нецелесообразным продолжать бой и нести новые потери. Скоро наверняка прибудет подкрепление, подоспеет авиация.

Наступление на Харьков в целом шло успешно, и долговременные укрепления здесь не строились. Сейчас эта самоуверенность врагу обходилась дорого.

Лейтенант Бобич бежал вдоль траншеи. Увидел мелькнувшую фигуру немца в серо-голубой шинели. Ударил в него с пояса длинной очередью. Не имевший навыков в стрельбе из трофейных автоматов, рассеял половину магазина, выбивая ямки в стенах траншеи.

Приложился снова. Немец, швырнув гранату, исчез за поворотом. Лейтенант на секунду замер, увидев под ногами похожую на металлический стакан довольно сильную ручную гранату М-34. Успел все же отскочить и броситься на землю. Осколки прошли выше, вырвав клочья телогрейки на спине.

Более грамотный сержант, прошедший Сталинград и Ростов, уложил убегающего очередью в спину. На подмогу кинулись сразу трое-четверо немцев. Сержант, не экономя патронов, выпустил в них остаток диска, свалил еще одного. Подоспевшие бойцы, лихорадочно дергая затворы, беглой стрельбой заставили немцев отступить.

В другом месте стрелковое отделение в горячке выскочило на открытое место, прямо под прицел МГ-34. Очереди в упор свалили сразу нескольких бойцов. Остальные успели залечь. Кто-то попытался метнуть гранату, но пули перебили руку, и боец едва успел откатиться от рванувшей РГД.

Самоходка Чурюмова налетела на расчет. Смяла тела и пулемет МГ-34 на треноге. Открыли огонь по отходящему танку, одновременно опустошая ленты трофейного МГ-42, захваченного в лесу. В ответ летели 75-миллиметровые снаряды тяжелого танка Т-4.

– Командир, кончай выделяться! Механик-водитель, видя, что дуэль обернется не в их пользу, самовольно скатился в овражек. Захар Чурюмов, к которому в бою лучше было не соваться, заорал так, что вздулись жилы на горле:

– Какого хрена! А ну вперед!

И тут же замолчал. Одна из прибывших утром самоходок дернулась от удара. Все произошло в считанные секунды – попадание вражеского снаряда было точным.

Сдетонировал боекомплект, разломив рубку и выбив из крепления орудие. Разлетелись в разные стороны обломки, исковерканные тела экипажа. Все вокруг заполнил паровозный гул ревущего бензинового пламени, пожирающего остатки машины. В живых там никого не осталось.

Это отрезвило Чурюмова. С минуту он молчал, перезаряжая пулеметную ленту. Затем скомандовал механику уже спокойнее:

– Выползай...

Набирая ход, невольно проводили взглядом то, что осталось от СУ-76. Горящий каркас и разбросанные в радиусе полусотни шагов обломки, смятые гильзы, куски человеческих тел.

Погибший экипаж, с которым так и не успели толком познакомиться, неплохо действовал. В бою не отставал, постоянно вел огонь. Поджег бронетранспортер и удачно вложил снаряд в разбежавшихся фрицев. И вот закончился его путь, едва начавшись.

На правом фланге сопротивление шло упорнее. Там подбили еще один Т-34. С дури или от лихости послали в атаку целый пехотный батальон, наполовину состоявший из необученного пополнения. Немецкий танк, пулеметные расчеты и два миномета, подпустив атакующую цепь поближе, ударили из всех стволов. Огонь был такой плотный, что за считанные минуты почти целиком выбило передовую роту.

Вторая рота, тоже понесшая потери, не раздумывая брякнулась на землю. Среди лежавших бойцов метался молодой ротный командир, стрелял над головами из пистолета, кого-то тащил за шиворот. Мина накрыла лейтенанта, и залегшая пехота окончательно замерла. Новичков после пережитого страха сдвинуть с места было невозможно. Тяжелораненого комбата унесли, погибли и получили ранения несколько командиров рот. Мельников подозвал замполита полка – рослого, бравого на вид майора с орденом.

– Залегла пехота. Намертво. Давай вперед, поднимай людей.

– Я комсорга пошлю, – немедленно отреагировал замполит, который в атаках отродясь не участвовал да и на передовой бывал лишь по приказу командира полка.

– Может, тогда лучше агитатора? – в упор смотрел на него комполка глазами, набрякшими от бессонницы и незаживающей раны. – В общем, бери комсорга, агитатора – и не медлить! Зажирели вы в своей норе.

Как ненавидел в эти минуты солдафона молодой перспективный замполит! Он научился на войне беречь себя, произносить зажигательные речи, душевно поговорить с молодым бойцом и вовремя втесаться в наградной лист.

Он считал, что Мельников, бросая штаб, слишком часто лезет на передний край. Пытался отсидеться в своей землянке политсостава с самым крепким перекрытием в четыре наката. На столе были всегда разложены очень важные партийные документы (серьезными делами занимается майор), а со стены смотрел портрет товарища Сталина. Одобрительно смотрел на работу верного партийца.

И, наверное, прощал мелкие слабости замполита. Когда тот дня по три лечил спиртом несуществующий радикулит. Приводил и клал с собой молоденьких связисток, некоторые из которых упрямылись, не желали помочь майору скрасить одиночество.

И вот он – путь на передний край. Пока добирались, ранили агитатора – молодого капитана, неведь как умудрившегося попасть на такую сказочную должность. Газеты, призывы,

бесконечное отсиживание в редакции «дивизионки», где сочинялись статьи о мужестве и самопожертвовании.

Агитатор знал дальность полета немецких мин (два с половиной километра) и никогда не пересекал эту опасную черту. Слышал натренированным ухом далекий гул чужих самолетов и занимал место в самой отдаленной надежной щели.

И вот пуля в мякоть руки. Заслуженный капитан (две медали «За боевые заслуги») был до того рад, что, даже не перевязав простреленную руку, кинулся в тыл. Затем, когда уже пытались окриками, пинками и выстрелами поднять намертво залегший батальон, мина накрыла комсорга.

Рванула едва не под ногами, подбросив, как тряпичную куклу. Парень, который добросовестно пытался исполнить приказ, лежал издырявленный осколками, с оторванной ногой. Майор, понимая, что такая же судьба ждет и его, не раздумывая бросился в старый окоп. Съежился, выставив ствол «маузера» – оружия мужественных людей. Но обойма оставалась полной, замполит хотел лишь одного, что бы его оставили в покое, и не собирався вести огонь по врагу.

Он даже не сдвинулся с места, когда к окопу подполз боец с перебитой ногой и, не в силах двигаться дальше, стал звать на помощь. Но майор-замполит прижух как мышь. Тем временем пулемет добил бойца, и кровь тонким ручейком потекла к окопу капая на шерстяные галифе замполита.

Майор хотел было убрать ногу (пропадут ведь новые штаны!), но раздумал. Пусть все увидят кровь – комиссары тоже в бою.

И все же немцы отступали. Их давили и в лоб, и с левого фланга. Пулеметный огонь и разрывы мин не давали батальону подняться. Но танки и самоходки упорно продвигались вперед, сминая оборону.

Под прикрытием танков немецкие артиллеристы быстро цепляли к легким тягачам 75-миллиметровки. Расчеты действовали быстро, тем более «гадюки» в отличие от наших «трехдюймовок» были по весу вдвое легче и не такие громоздкие.

Самоходка Карелина поймала в прицел полугусеничный тягач «Демаг». Машина славилась скоростью и сильным двигателем. Набирая ход, пошла по укатанной колее. Расчет оружия в открытом кузове нервничал. Кто-то пригнулся, вцепившись в борт. Другой артиллерист тянулся всем телом ближе к дверце, рассчитывая в последний момент выпрыгнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.